

ОЛЬГА ЯРОШИНСКАЯ

УКРАДИ
МОЮ
ЛЮБОВЬ

Ольга Алексеевна Ярошинская

Укради мою любовь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69465271

SelfPub; 2023

Аннотация

В наследство от покойного мужа я получила дом, привидение и стойкое нежелание вступать в брак снова. Теперь у меня новая жизнь, которая вполне меня устраивает. И пусть гадалка – не лучшая профессия для эльены, тут, в глуши, это никого не смущает. Кроме разве что Косты эль Брао. Наследник великого рода, носитель искры и... мой первый мужчина, он явно не хочет забывать о той сделке, что мы заключили.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	42
Глава 5	55
Глава 6	68
Глава 7	77
Глава 8	92
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Ольга Ярошинская

Укради мою любовь

Глава 1

Я съежилась в кресле, поджав озябшие ноги. В камине потрескивал огонь, но я все никак не могла согреться, трясаясь от озноба, и в тишине кабинета мои зубы стучали особенно громко. Кто бы мог подумать, что моя брачная ночь закончится так?

Я заставила себя отвести взгляд от капель крови на подоле белой сорочки и посмотрела на открытую бутылку на низком столике. Потянувшись, взяла ее и, понюхав, сделала большой глоток.

– Соберись, – приказала себе вслух.

Хотелось выть и метаться по комнате, но какая-то потаенная часть меня испытывала злобное удовлетворение. Мой муж умер, не дойдя пары шагов до брачного ложа, и я вовсе не собиралась горевать.

Эти мгновения навеки отпечатались в моей памяти. Гевин Доксвелл, тучный мужчина пятидесяти девяти лет от роду, шел ко мне, ухмыляясь и возясь с массивной пряжкой ремня. В седой бороде застряли крошки, а кончики усов слиплись от вина. Потом он остановился, стянул штаны до колен

и горделиво уставился на меня, свою жену.

Может, это я виной тому, что было дальше? Потому что тогда я отчаянно взмолилась избавить меня и от ненавистного мужа, и от брака, и от всего, что это значило.

– Давай, жена, – произнес Гевин. – Иди сюда и... хррр... хррр...

На миг я понадеялась, что он уснул стоя, как мул, но поросычьи глазки Гевина наоборот выпучились, едва не выскакивая из орбит. Его щеки побагровели, он схватился за грудь, кашлянул кровью, забрызгав подол моего пеньюара, и упал на кровать лицом вниз.

Я облизнула губы, терпкие от вина, что оказалось в бутылке.

Итак, я вдова?

Быть может, кого-то это слово пугало, меня же наполняло радостью. Оно означало свободу – от мужа, от дяди, от всех тех мужчин, которые желали распоряжаться моей жизнью.

Однако было одно «но», которое озвучил помощник Гевина, прибежавший на мои вопли. Он спросил, был ли консумирован брак.

Я перестала дрожать и, намотав на палец волосы, задумчиво покусала кончик пряжки – дурацкая привычка, из-за которой у лица вечно пушились короткие завитки.

Слуга вызвал доктора, тот констатировал смерть. Следом явился старший сын моего покойного мужа и, уточнив, правда ли тот скончался, задал аналогичный вопрос.

Дядя не особенно заботился о моем образовании, но я находила в книгах спасение и перечитала всю домашнюю библиотеку. И теперь я понимала, что по законам Карафиса мой брак не считается действительным. Значит, я не вдова? Перед свадебной церемонией целители проверили мою невинность, и та до сих пор при мне. Теперь меня осмотрят еще раз и вернут дяде, как товар, который не успели использовать. А дядя снова продаст меня какому-нибудь богатому старику. Во второй раз, наверное, подешевле.

Стрельчатое окно скрипнуло, и я вжалась в кресло теснее. Из темноты появилась рука, осторожно открыла окно шире и переставила в сторону цветочный горшок, следом в щель протиснулась голова, широкие плечи, спина, и наконец целый мужчина бесшумно как кот скатился на пол и огляделся.

– Доброй ночи, господин вор, – сказала я, и мужчина подпрыгнул на месте от неожиданности.

– Тьфу ты, напугала, – пробормотал он, выпрямляясь. – Чего тут сидишь?

– А вы... чего...

Мы пристально рассматривали друг друга, и я запахла халат плотнее. Вор оказался молодым, со спутанной копной темных волос, правильными чертами лица и светлыми даже в полумраке глазами, которые как будто слегка сияли, отражая огонь.

– Вы ищете что-то конкретное? – спросила я. – Быть может, я могу вам помочь?

– Ты не собираешься кричать? – уточнил он.

Я помотала головой.

– Впрочем, все равно никто не услышит, – нарочито беспечно сказал вор, не сводя с меня глаз. – Твой господин сейчас слишком занят молодой женой, а остальные слуги пользуются моментом и доедают угощение с праздничного стола. Тебе бы тоже не помешало.

Принял меня за прислугу? Халат, который на меня накинула сердобольная служанка, и правда выглядел не слишком роскошно. Тем временем вор прошелся по кабинету и, с хозяйским видом открыв створки шкафа, принялся в нем рыться. Насколько я заметила, мой покойный муж был тем еще барахольщиком. Его кабинет оказался набит безделушками: пепельницы, шкатулки, вазы, фарфоровые фигурки – все полки заставлены. Может, и меня Гевин Доксвелл приобрел просто потому, что цена оказалась подходящая?

– Боюсь, что вы ошибаетесь, – вежливо сказала я. – Я и есть молодая жена.

Вор остановил свои поиски и обернулся. Темные брови удивленно взлетели вверх.

– Госпожа Доксвелл?

– Вроде того, – угрюмо ответила я. – Вдова. Наверное.

– Старый козел помер? – воскликнул вор и, прижав пальцы к губам, покосился на дверь.

– Так и есть, – подтвердила я, рассматривая неожиданного гостя.

Молод и, пожалуй, красив. Хотя это и не важно.

— Как? — тихо выдохнул он. — От чего?

— Не знаю, — пожалала я плечами и, подумав, не стала поправлять сползший халат. — Он пришел в спальню, снял штаны, упал на кровать и умер.

Взгляд мужчины метнулся к вырезу, в котором виднелось белое кружево пеньюара. Конечно, то, что я собираюсь сделать — очень неприлично, вопиюще постыдно, немыслимо, но что еще остается? Может, само провидение прислало мне возможность получить вожденную свободу?

Я сделала еще один большой глоток прямо из бутылки и, поморщившись, облизала губы. Озноб прошел, и тепло растеклось по телу, а вместе с ним отчаянная бесшабашность.

— Что ж, соболезнавать не буду, — заявил вор. — Раз уж ты предложила помощь... Не видела такой сверкающий кулон на толстой цепочке? Камень зеленый и как будто искрит, заключен в оправу, но она не представляет особой цены...

— Видела, — сразу ответила я. — Да, я знаю, где он лежит.

В кармане моего халата. Муж подарил мне кулон на свадьбу и приказал носить его не снимая. Я стащила тяжелую цепь сразу после того, как Гевин повалился на кровать, а потом сунула кулон в карман.

— И ты отдашь его мне? — вкрадчиво спросил вор, подходя ближе.

Я опустила ноги на пол, сложила руки на коленях, как благопристойная дама, и ответила:

– Да. В обмен на услугу.

– Вот как? – он сел в кресло напротив и посмотрел на меня с любопытством.

Поначалу я решила, что он совсем юный – из-за легкости движений и ловкости, но вор, пожалуй, был лет на пять старше меня. Прямой нос, светлые глаза, обрамленные черными ресницами, правильные черты. На скуле свежая ссадина, а спутанные выющиеся пряди так и хочется расчесать. Преступник, но куда привлекательнее старого толстого Гевина, с которым я должна была провести эту и последующие ночи.

– Чего же ты хочешь? – спросил мужчина.

– Украдите мою невинность, – попросила я.

Все шло по плану. Козел Доксвелл обвенчался с какой-то дурехой в часовне собственного поместья, отпраздновал внизу, в бальном зале, и к полуночи гости разъехались, а в доме погасли огни. Все должны были спать, утомленные торжеством, и Коста уверился, что дело на мази, когда вдруг из кресла появилась девчонка, а потом выдала такое, что он переспросил, надеясь услышаться:

– Что ты сказала?

– Укради мою девственность, – потребовала она и замолчала.

Ее глаза лихорадочно блестели, на щеках горел румянец. Совсем молоденькая, хорошенькая и говорит, кажется, всерьез.

– Я бы хотел глубже войти, так сказать, в курс дела, – хмыкнул он.

– А я бы не хотела вдаваться в детали, – отрезала она. – Согласен? Нет? Может, кулон тебе не особо нужен?

– Откуда я знаю, что он у тебя? – спросил Коста, расставляя колени и окидывая девицу нарочито похабным взглядом. – Вдруг просто хочешь повеселиться, а? Раз уж брачная ночка не задалась.

– Я бы не стала врать, – ответила девушка с таким высокомерным достоинством, как будто это не она только что предложила ему переспать. – Честный обмен. Ты мне, я тебе.

Она вынула из халата кулон, и Коста, взвившись с места, выхватил его из ее руки. Девушка посмотрела на свою ладонь, потом на него, и ее губы обиженно задрожали.

– Прости, милая, у меня и так выдалась насыщенная ночь, – пробормотал Коста, пряча кулон в карман, но отчего-то не спеша уходить.

– Я буду кричать! – с отчаяньем пригрозила она, вскакивая с кресла. – Тебя поймают!

– Ну, знаешь, если бы мы все же сделали это, ты бы тоже кричала, – заметил он.

– Я умею терпеть боль, – скупое ответила она, и Коста чуть не поперхнулся очередной сальной шуткой.

– Я имел в виду – от удовольствия, – пояснил он, и девушка Доксвелла посмотрела на него с такой смесью насмешки, недоверия и удивления, что ему тут же захотелось

задержаться на часок-другой и доказать, что он не врет. – Зачем тебе это? – спросил он совсем другим тоном.

– Потому что тогда я буду вдовой! – воскликнула она и, заломив руки, принялась ходить туда-сюда. – По-настоящему!

Ее халат распахнулся, и кружевной пеньюар окутал стройные ноги белой пеной.

– Гевин умер, не успев... Ну, ты понимаешь, – торопливо объясняла она. – Теперь наш брак признают недействительным. Все меня спрашивали – консумирован ли брак. Но я была в таком шоке, что и слова сказать не могла. А ведь они не отстанут! И когда поймут, что я так и осталась невинной, то отправят назад к дяде. А он опять выдаст меня замуж за какого-нибудь богатого старика!

Она остановилась и с мольбой посмотрела на Косту.

– Пожалуйста, – попросила она. – Ты ведь знаешь, что надо делать?

– Имею некоторое представление, – хмыкнул он. – Но...

– Это не займет у тебя много времени.

– Ну...

Встрепенувшись, девушка быстро вынула из ушей сережки.

– Вот, – протянула на ладони колечки, усыпанные сверкающими камешками. – Бери. Настоящие бриллианты. От мамы остались.

Коста рассмеялся. Дожил! Ему, наследнику великого ро-

да, Вардену Лувию Косте эль Брао, потомуку Эдры Первого, носителю искры, предлагают потрахаться за сережки. Наверняка еще и камни не самой чистой воды.

Губы девушки вновь обиженно задрожали, но она продолжала протягивать ему серьги, и Коста невольно почувствовал восхищение. Не сдается, несмотря ни на что. Смелая, решительная и, что скрывать, привлекательная. Она напоминала ему лисичку. Худую, затравленную, но еще способную огрызаться и не потерявшую надежду на спасение. Волосы с медным отливом, треугольное скуластое личико, нежные губы с загнутыми вверх уголками – она могла быть легкой, смешливой девчонкой, вызреть в настоящую роскошную красавицу, но ее отдали на потеху Доксвеллу, который похоронил уже трех жен. Семейный кулон оттягивал карман и, по-хорошему, Коста должен был бежать домой, но почему бы не оказать даме маленькую любезность?

Устав ждать ответ и потеряв веру в успех своей аферы, она вернулась в кресло и теперь, отхлебнув из початой бутылки, хмуро смотрела в огонь. Сережки, впрочем, поблескивали на краешке стола. Вроде как – предложение в силе.

Осмотревшись, Коста подошел к двери и задвинул засов, затем снял плащ и постелил его на шкуру у камина. Девушка оторвала взгляд от огня, и когда Коста стал неспешно расстегивать пуговицы, быстро облизнула губы. Он снял рубашку, бросил ее на пустующее кресло, и глаза незнакомки расширились.

– Тебя как зовут? – спросил он.

– Элис, – тихо ответила она, не отводя от него взгляд. – А тебя?

– Коста, – назвал он зачем-то свое домашнее имя.

– Значит, ты согласен? Сделаешь это? Здесь? – неуверенно спросила Элис, кивнув на плащ у камина.

– Предлагаешь вернуться в супружескую спальню?

Она быстро помотала головой и, встав, медленно выпуталась из слишком большого для нее халата. Взялась за бретельки пеньюара, но так и не смогла его сбросить. Коста подошел к ней, остановился напротив, отвел ее руки вниз. По хрупкому плечу змеилась багровая полоса, и, заглянув за спину девушки, Коста едва сдержался, чтобы не выругаться: узкую спину полосовали свежие шрамы. Понятно, отчего она готова на такие отчаянные меры.

Элис покусала губы, решительно сдвинула бретельки, и пеньюар сполз к ее ногам. Ничего удивительного, что старика удар прихватил. Плавные линии, чистая нежная кожа, высокая грудь, довольно большая для худенького тела. Накрыв ее ладонью, Коста слегка сжал пальцы, и Элис вздрогнула и сглотнула. Он взял ее за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

Ее глаза оказались голубыми, с золотистыми крапинками у зрачков. Коста таких раньше не видел.

– Я не сделаю тебе больно, Лисичка, – пообещал он и поцеловал ее.

Теплое прикосновение упругих губ. Ласковые пальцы на моей шее. Чужое дыхание в моем рту. Это и правда происходит. Я разделась перед незнакомцем, я выторговала у него согласие. Но отчего же он не спешит? Коста целовал меня долго, осторожно, раздвигая мои губы своими, трогая их языком. Уверенные пальцы слегка массировали мой затылок, гладили шею, и постепенно я расслабилась и даже обняла его, потому что мои ноги ослабели, и вся я как будто растаяла под теплым солнцем.

Отстранившись, Коста отошел на пару шагов и снял брюки, а я сперва потупилась, но потом бесстыдно посмотрела прямо на него. У дяди в библиотеке была медицинская энциклопедия, и я тайком прочитала ее от корки до корки. Гевин Доксвелл совсем не походил на картинки со страниц старой книги, а вот Коста оказался живой демонстрацией идеального мужского тела. Без одежды он казался крупнее: крепкие мышцы, рельефный пресс. И ниже живота у него все было совсем по-другому, не как у Гевина. Куда больше и... бодрее, что ли.

Бросив брюки на кресло, Коста вновь подошел ко мне, и я, сглотнув, инстинктивно попятилась.

– Передумала?

Я быстро покачала головой и перешагнула через пеньюар, который остался лежать на полу. Коста закинул мои руки себе на шею и поцеловал снова, на этот раз куда настойчи-

вее. Его язык проник глубоко в мой рот, а ладони легли на бедра, притягивая ближе, прижимая к горячему мужскому телу, желающему совершить соитие – так это описывалось в энциклопедии. Женщине отводилась пассивная роль: предлагалось расслабиться и не мешать проникновению. Однако Коста вовсе не спешил переходить непосредственно к делу. Оставив мои губы, он поцеловал шею, еще и еще, лизнул ключицу и осторожно коснулся губами кончика шрама, оставленного дядиной плеткой.

Что сказать, я не хотела выходить замуж, но дядя умел убеждать.

– Ты красивая, – хрипло сказал Коста, глядя на меня с неприкрытым восхищением.

Может поэтому вопреки совету «не мешать», написанному в энциклопедии, я запуталась пальцами в темных волосах и, притянув Косту, поцеловала его сама, неловко и неумело, но он охотно откликнулся на мою ласку. Он все целовал меня и гладил, и шептал ласковые слова, а его руки блуждали по моему телу, лаская, трогая, сменяя.

Он уложил меня на свой плащ, постеленный поверх медвежьей шкуры, и атласная подкладка охладила спину, а от камина дохнуло теплом. Исцеловал мою грудь, и внизу живота как будто растекся горячий мед. А потом его пальцы переместились вниз, и я судорожно вздохнула от непристойных, дразнящих ласк. А когда он наконец вошел в меня, нависая надо мной всем телом, я и правда едва сдержала крик,

хотя короткая боль очень быстро прошла. Но ощущение наполненности было таким ярким и влекло за собой какие-то новые желания, которые я пока не умела понять.

– Все? – прошептала я, переводя дыхание.

Мои ладони упирались в твердую широкую грудь, и я слышала, как ровно и быстро бьется его сердце. Коста оторвал взгляд от места, где наши тела соединялись, и посмотрел мне в глаза.

– Я собираюсь полностью выполнить свою часть сделки, – ответил он и стал неспешно двигаться во мне, а я, ахнув, прикусила губы, чтобы не застонать, и рефлекторно выгнулась ему навстречу.

Он сплел свои пальцы с моими, завел руки мне за голову, и в этой беззащитности и открытости перед ним было нечто такое, отчего меня бросило в жар. Коста целовал меня, и его дыхание опаляло мои губы, шею, грудь, которая слегка колыхалась при каждом его толчке. Я шикнула сквозь сжатые зубы, и Коста тут же остановился.

– Больно? – обеспокоенно спросил он, заглянув мне в глаза.

– Спина, – виновато пояснила я.

– Прости.

Он отстранился, и я испытала странную смесь чувств: облегчение – ведь я получила, что хотела, смущение и... сожаление, что все закончилось так быстро. Однако Коста вдруг перевернул меня на живот, и я вцепилась пальцами в жест-

кую шкуру, ощущая, как он вновь заполняет мое тело. Таких картинок в медицинской энциклопедии не было, и мои мысли метались как пойманные птицы. Так можно? Так правильно?

Коста двигался во мне все быстрее, сжимал мои бедра, целовал и прикусывал шею. Он подтянул меня выше, заставив прогнуться в пояснице, и вскоре я позабыла и вопросы, и ответы, и только цеплялась пальцами за медвежью шкуру, уже не в силах сдерживать стоны.

Пламя потрескивало в камине, жесткий мех колот кожу, и то, чем мы занимались, было таким диким, первобытным, что во мне будто проснулось что-то древнее, исконное, и когда Коста усадил меня сверху, я сама подхватила ритм. И с каждым движением что-то густое, горячее закручивалось в узел внизу живота, собиралось во мне как река, пойманная плотиной, а потом вдруг прорвало заслоны и растеклось по всему моему телу, заполняя каждую клеточку, поднимая меня и неся куда-то неудержимой волной.

Я замерла, испуганно глядя на Косту и хватая ртом воздух, забыв как дышать.

– Все хорошо, Лисичка, – пробормотал он, приподнимаясь и обнимая меня. – Все хорошо.

Он закрыл мой рот поцелуем, глуша рвущийся крик, продолжая двигаться во мне, и я будто умерла: тело выгнулось от сладких судорог, пронизавших меня до кончиков пальцев, а мгновением позже Коста глухо застонал, уткнувшись мне

в плечо...

Я лениво перебирала темные пряди волос, собирая себя заново, чувствуя биение чужого сердца своей грудью. Я была такой легкой, что, кажется, улетела бы в приоткрытое окно, если бы не горячее мужское тело, прижимающее меня к медвежьей шкуре.

Коста приподнялся, опершись на локоть, и посмотрел на меня.

– Спасибо, – шепнула я, коснувшись кончиками пальцев чуть колючей щеки, твердого подбородка с маленькой ямочкой. Губы на вид – ничего особенного, обычные: не пухлые, не тонкие, слева на верхней едва заметный белый шрам. Кто бы мог подумать, что эти губы могут так целовать.

– Пожалуйста, – улыбнулся Коста. – Может, давай еще разок? Чтоб наверняка.

– Думаю, ты и так все сделал как надо, – возразила я, отчего-то смущаясь и пытаясь вывернуться из-под него, но Коста склонился и поцеловал меня снова. Так ласково и бережно, что в глубине души я даже начала злиться – зачем? Я ведь не просила его быть со мной нежным! Как мне теперь возвращаться в обычную жизнь, где никто не зовет меня лисичкой и уж, конечно, никогда не станет так целовать?

Внизу хлопнула дверь, раздались голоса. Коста вскочил и принялся одеваться, молча указав на мой пеньюар. Опомившись, я натянула его и, заметавшись, нашла халат. Быстрый поцелуй обжег мои губы, а потом Коста прошептал:

– Удачи, Лисичка.

Запрыгнув на подоконник, он исчез в ночи, которая уже начинала светлеть. Я подбежала, выглянула наружу, и успела увидеть лишь тень, перемахнувшую ограду.

– Элисьена! – в дверь загрохотали, и я, закрыв окно и закутавшись в халат, сдвинула засов.

Глава 2

– Чего закрылась? – недовольно спросил дядя, входя в кабинет и оглядывая все вокруг.

Следом явился Говард Доксвелл, слуги поспешно зажгли всюду свечи, и я заморгала от света, резавшего глаза.

Дядя явно собирался в спешке: рубашка застегнута не на ту пуговицу. Зато плащ закреплен шикарной брошью в виде рыбки, усыпанной мелкими топазами, подчеркивающими семейный цвет глаз. На нем наше сходство с дядей заканчивалось. Он был выше меня на целую голову, с пепельными волосами, которые в последнее время стремительно его покидали, и обрюзгшими чертами лица. Излишнюю полноту дядя ловко скрывал одеждой, которую щедро украшал оборками и бантами, точно заправская кокетка. Иногда мне казалось, что, будь его воля, он бы и в женские платья рядился.

В детстве дядя относился ко мне с прохладным равнодушием, как к навязанной обузе, от которой никуда не деться. Но когда я стала взрослеть, будто с цепи сорвался: постоянно придирался к любой мелочи, а потом начал бить.

– Красная такая, – недовольно заметил дядя, но, опомнившись, нацепил маску фальшивой заботы. – Плакала? Прими мои соболезнования, Элисьена. Ужасное горе... Любимый муж... Сережки чего сняла? Потеряешь!

А я с ужасом увидела на полу рядом со столиком, на ко-

тором остались лежать мои серьги, запонку. Я будто нечаянно столкнула со стола сережку и, склонившись, сгребла все в кулак и быстро сунула в карман.

– Я требую немедленного освидетельствования Элисьены эль Соль, – произнес сын Гевина.

На меня он старался не смотреть, и я тоже не испытывала удовольствия от его вида: уж слишком похож на отца, пусть и моложе. Те же тяжелые надбровные дуги, мясистый нос, только Говард, в отличие от папаша, тщательно брился, да глаза у него пока что не прятались под набрякшими веками и смотрели на меня цепко, как на преступницу.

– Элисьены Доксвелл, вы хотели сказать, – исправил его дядя. – Побольше уважения к вашей мачехе, молодой человек.

– Эта пигалица никакая не мачеха мне! – раздул ноздри Говард. – Целитель! Ваше слово.

Невысокий смуглый мужчина в белых одеждах, который вошел вслед за ними, повернулся ко мне.

– Вы его подкупили! – завопил дядя. – Нет уж, я приведу своего целителя, который и скажет, что брак заключен как положено.

– Конечно, скажет. Поэтому я и решил прояснить вопрос немедленно. Вы, небось, и сами готовы ее обесчестить, лишь бы получить долю наследства моего отца и хапнуть кусок капитала. Может, это она его и убила.

– Я не убивала! – воскликнула я.

– Приступайте, – потребовал Говард и, оттеснив дядю, позволил целителю подойти ко мне ближе.

Тонкие пальцы с аккуратными овальными ногтями пробежались по моим запястьям, коснулись шеи, потом на миг опустились на низ живота и отпрянули.

– У этой женщины несомненно был полноценный половой акт этой ночью, – ровно произнес целитель.

– Что? – ошарашенно воскликнул Говард. – Быть того не может! Отец едва успел штаны стащить! Мы так и нашли его, с голым задом и в ботинках.

– Мужчине вовсе не обязательно полностью раздеваться, чтобы исполнить супружеский долг, – довольно заметил дядя, сияя как новый медяк. – Элисьена, дорогая, собирайся.

– Я никуда не поеду, – заявила я и почти не испугалась, увидев взгляд дяди, не предвещающий ничего хорошего. – Я вдова Гевина Доксвелла. Что скажут люди, если я покину дом мужа, когда его тело даже не предали земле?

– Верно, – подумав, кивнул дядя. – Вдова. Да, ты, разумеется, должна остаться. Молодец.

Говард сверлил меня ненавидящим взглядом, не подозревая, что мне ничего от него не надо. Какое наследство, какие капиталы? Я всего лишь хочу свободу!

– Нам, похоже, надо обсудить раздел имущества, – бесцеремонно заявил дядя.

Целитель, решив, что исполнил свой долг, дипломатично исчез.

– Нам с вами нечего обсуждать, – возразил Говард, глянув на дядю как на мерзкое насекомое. – Вы уже получили свое, когда продали племянницу моему отцу. Он и так безбожно переплатил.

– Но теперь возникли совершенно новые обстоятельства...

– Вдова – она, а не вы, – отрезал Говард. – А теперь покиньте мой дом.

– Ваш ли? – нагло усмехнулся дядя и, склонившись к моему уху, прошептал: – Молчи и ни на что не соглашайся. Я найму лучших юристов.

Потрепав меня по волосам и болезненно дернув за прядь, он пошел к выходу, но, задержавшись в дверях, обернулся.

– Если с моей дражайшей Элисьеной что-то случится, на ее долю буду претендовать я. Ее единственный родственник.

– Проваливай, – буркнул Говард и, когда дверь закрылась, повернулся ко мне.

Его губы обиженно кривились, нос подергивался, как будто от меня дурно пахло.

– Мне ничего не надо, – выпалила я, и его брови, точно лохматые гусеницы, удивленно поползли вверх. – Я не собираюсь ничего у вас отбирать.

– Это хорошо, – медленно одобрил Говард, присаживаясь в кресло, где совсем недавно сидел Коста. Я опустилась в кресло напротив, а между нами оказалась медвежья шкура, на которой произошло мое грехопадение. Огонь в камине

притих, словно прислушиваясь к нашему разговору.

– Но я не хочу возвращаться к дяде, – призналась я.

Откинувшись на спинку кресла, Говард сжал мясистыми пальцами подлокотники.

– Раз ты все же стала женой моего отца, то должна выдерживать траур, – степенно произнес он. – Будет неправильно, если Стига эль Соль отдаст тебя кому-то другому уже через пару месяцев.

Я передернула плечами от такой перспективы.

– Я – вдова, взрослая женщина, – произнесла я. – Мне больше не нужен опекун.

Говард усмехнулся, разглядывая меня так, словно впервые увидев.

– Я разберусь с твоим дядей, – пообещал он. – Но ты должна будешь подписать бумаги о том, что отказываешься от любых претензий сверх того, что я тебе выделю.

Я согласно кивнула.

Пусть даже он даст мне котомку с куском хлеба и посох – я буду благодарна за все. По сути, Говард ничего мне не должен. Я обманула его, дядю, целителя с чуткими пальцами – всех. Кроме Косты. С ним я была откровенна.

– Хорошая девочка, – одобрил Говард. – Думаю, мы договоримся.

– Ваши ночные вылазки до добра не доведут, – осуждающе произнес Диер. Он поджал и без того тонкие губы и по-

качал головой точно маятник. – Посмотрите, на кого вы похожи, эльен!

– Говорят, что на матушку, – беспечно ответил Коста, сбрасывая плащ на руки верному слуге.

– Тут кровь! – ужаснулся он и, побледнев, стал почти таким же белым как мраморные колонны холла. – Вас ранили?

– Это не моя, – успокоил его Коста, направляясь к широкой лестнице.

Лисичка была просто прелестна: красивая, горячая, нежная... В невинности оказалась своя чарующая притягательность, и Коста несколько не жалел, что решил задержаться. Вбежав по ступенькам, он вспомнил кое-что важное:

– Доксвелл мертв, – сообщил он слуге.

– Что? – ахнул он, едва не выронив плащ. – Это вы его?.. Я скажу, что вы были дома всю ночь!

– Не я. Но смотри, что у меня есть.

Коста вытащил из кармана брюк кулон, и тот, закачавшись на толстой медной цепочке, вспыхнул зелеными переливами.

– О, – восхищенно выдохнул Диер и тут же укорил: – Вы его украли.

– Вернул то, что принадлежит мне по праву. Думаю, в суде похорон и дележки наследства о нем позабудут. В конце концов, мало кто знает, какую ценность представляет собой эта вещь.

Коста прошел в спальню, сбросил одежду и вытянулся на кровати. Глаза слипались, и мышцы гудели от приятной

усталости.

– Вы не должны были воровать, – заявил Диер, входя в его комнату без стука. – Что бы сказала ваша покойная матушка?

– Уверен, она бы не стала гундосить над ухом вусмерть уставшего сына, – проворчал Коста. – К тому же я его не украл. Это была сделка. Надо сказать – лучшая в моей жизни.

Ее губы были терпкими от вина, а волосы пахли ягодами. А выражение ее лица перед самым пиком – бесценно: удивленно распахнутые глаза, приоткрытые губки... Жаль все же, что у них не осталось времени на второй заход. Коста перевернулся на живот, чтобы у Диера не возникло новых неудобных вопросов.

– Ни за что не поверю, что кто-то согласился продать вам кулон. Что вы за него отдали? – продолжил бубнить дворецкий.

– Условия сделки не разглашаются, – усмехнулся Коста.

– Позвольте сказать, что перед заключением важной сделки вам следовало посоветоваться со мной, – назидательно произнес Диер. – Я куда больше вашего понимаю в юридических тонкостях. Наверняка вас где-то обули!

– Диер, позволяю тебе оставить меня в покое, – сказал Коста. – Имей совесть!

– Да, эльен, – скорбно произнес тот и наконец исчез.

Он точно остался в выигрыше. Кто бы мог подумать, что

ночная вылазка окажется такой удачной и захватывающей! Коста засыпал и видел во сне девушку с волосами, отливающими медью, которая смеялась и убегала от него по росистой траве.

Как будто кто-то может от него убежать.

– А с твоим дядей я поговорю, – пообещал Говард, опершись на дверь экипажа. – У меня есть, на что надавить. Стига эль Соль наверняка не захочет, чтобы кое-какие его грязные секреты стали известны в приличном обществе.

Я благодарно кивнула. До сих пор не верилось, что это происходит. Я едва не подпрыгивала на месте от нетерпения. Хотелось забрать у кучера поводья и самой подстегнуть лошадей, чтобы они помчались во весь опор, унося меня прочь.

– Спасибо, – сказала я, прикоснувшись к крупной ладони Говарда. – Спасибо за все.

– Кстати, не знаешь, куда отец подевал такой светящийся кулон? – задумчиво спросил он, глядя на мои пальцы, и я убрала руку.

– Не знаю, – соврала я, надеясь, что в полумраке экипажа не слишком заметно, как заалели мои щеки.

– Уверена, что у тебя его нет? – спросил Говард еще раз, пристально на меня глядя.

– Клянусь своей жизнью, – со всей честностью произнесла я.

Кулон остался у мужчины, о котором я старалась не ду-

мать, хоть это было очень сложно. Коста. Странное имя. Легкое и какое-то птичье. Но ему шло.

— Ну, ладно, — буркнул Говард. — Что ж. Прощай, Элисьена.

— Всего доброго, Говард.

Он подал знак кучеру, и экипаж тронулся. Вскоре поместье Доксвеллов осталось позади, и мне хотелось петь от восторга. Мимо мелькали деревья, поля, столица с белокаменными стенами проплыла по левую руку.

Я тряслась в экипаже, сжимая сумочку с документами, в которых значилось, что я теперь — вдова Гевина Доксвелла. А еще, что у меня есть собственный дом! Правда, на самом конце страны, но так даже лучше. Подальше от дяди, от прошлого. Говард даже выделил мне денег на первое время и приказал служанкам упаковать гардероб. Я молча соглашалась со всем, желая только одного — поскорее сбежать из клетки.

И вот теперь — свобода!

Я высунула голову из экипажа и зажмурилась, чувствуя ветер, солнечное тепло и благодарность, переполнявшую мое сердце. Я ехала к новой жизни.

На похоронах Доксвелла собралась целая толпа, и Коста с легким удивлением и брезгливостью рассматривал людей, недоумевая, что они все здесь забыли. Впрочем, Гевин был женат несколько раз, у него куча детей, родственников, вра-

ГОВ...

– Ты что здесь забыл? – выпалил Говард, подходя ближе. – Решил удостовериться, что моего отца действительно закопают?

– Горсть земли на его могилу я брошу, – подтвердил Коста. – От чего он умер?

– Не твое дело.

– Поговаривают, его укатала молодая женушка, – с нарочитой ехидцей произнес Коста. – Где она? Любопытно взглянуть.

Говард посопел, пристально глядя на него маленькими глазками.

– Уехала, – ответил он. – Хоть это тоже не твое дело.

– Разумеется, – подтвердил Коста, почувствовав болезненный укол разочарования.

Ему хотелось увидеть ее еще раз, рассмотреть при дневном свете, переброситься парой слов. Быть может, назначить свидание...

– Но все же это немного странно – не остаться до похорон, – заметил он.

– Представь, что бы ее ждало, – пожал плечами Говард. – Все бы только о ней и шептались.

– Значит, так горяча?

– Обычная, – равнодушно солгал тот.

Вот уж какой Коста не назвал бы Лисичку, так это обычной. Очаровательная, смелая, бесшабашная. А стоило

вспомнить ее тихие стоны, как тут же хотелось заключить с ней еще одну сделку. Все равно на каких условиях, лишь бы вновь почувствовать вкус ее губ. Неужели он больше ее не увидит? Неужели сон оказался вещим, и Элис удрала не только от недругов, но и от него?

– Не в ней там дело, – продолжил Говард. – Возраст, выпивка... Слушай, эль Брао, раз уж ты приперся... Я не хочу продолжать вражду между нашими семьями. Я уже толком не помню, из-за чего все началось.

– Из-за того, что мой прапрадед соблазнил твою прапрабабку, – с готовностью ответил Коста. – А твой прапрадед увидел в том оскорбление.

– И был прав, – сердито заметил Говард, но, выдохнув, добавил. – Дела давно минувших дней.

– Так и есть, – согласился Коста.

– Не знаешь, кстати, куда мог подеваться наш семейный кулон? – спросил Говард. – Из-за него еще был спор...

– Наш семейный кулон, – исправил его Коста, сделав ударение на первом слове. – Надо бережнее относиться к таким вещам. А куда, ты сказал, отправилась вдовушка твоего папаши?

– А я и не говорил, – ответил Говард, подозрительно прищурившись. – Твой явный к ней интерес настораживает. Вы что, были знакомы?

– Откуда? Меня ведь не пригласили на свадьбу. Очень не по-добрососедски. Из какого она рода?

– Сказал же – обычная, – буркнул Говард. – Чего привя-
зался?

– Мне и правда интересно, – протянул он, – кто сумел за-
гнать в могилу старого Доксвелла, который, как говорят, не
брезговал темной магией.

– Проваливай, – выплюнул тот. – И не смей подходить к
могиле моего отца.

– Как скажешь, Гови. Не очень-то и хотелось, – ответил
Коста и, заложив руки в карманы брюк, пошел прочь.

Однако, зайдя за угол дома, быстро свернул на рабочую
половину. Но и здесь, среди кухарок и работяг его ждало
разочарование. Слуги испуганно отводили глаза, а старшая
кухарка в итоге прямо сказала, что молодая госпожа уехала
в тайне от всех. К тому же новый хозяин пригрозил, что если
кто будет молоть языком – уволит.

– Она, бедняжка, от родни удирала, – сказала тетка, пряча
в карман золотую монету. – Ее ведь замуж против воли отда-
ли. Молодая, красивая, худенькая только. Уж нашла бы себе
мужа получше, чем наш покойный хозяин. О мертвых пло-
хо не говорят, да только с прежними женами он обращался
как с собаками. Причем не какими-нибудь борзыми, что для
охоты, а с дворовыми. Которых и пнуть можно, и на цепь
посадить.

– А новый хозяин хорошо с ней обошелся? – спросил Ко-
ста.

Говард по сравнению со своим папашей казался адекват-

ным, но все же кровь не водица.

– Нормально, – кивнула кухарка. – Сундук ей дали, одеяло теплое.

У Доксвеллов полно владений, разбросанных по стране. Видимо, Элис отправили в дальний угол, чтобы не мозолила глаза, а за послушание Говард пообещал держать ее местонахождение в тайне от дяди.

Отойдя подальше, Коста обернулся на поместье и безошибочно нашел взглядом окна кабинета.

Кучер скоро вернется. И у него-то можно будет разузнать, куда отвезли Лисичку. Просто чтобы убедиться, что с ней все хорошо.

Однако максимум, что он может ей предложить – стать его содержанкой. Многие женщины сочли бы это за счастье, но Коста отчего-то думал, что Элис достойна большего. Невесту же наследнику рода эль Брао следует выбрать правильных кровей, иначе на нем же их род и прервется. Лучше оставить девушку в покое.

Коста еще раз обернулся на памятное окно, и сердце сжалось тоской.

Глава 3

Мой новый дом находился в восточной части страны, в небольшом городке под названием Вилара, – так значилось в документах, что выдал мне Говард. Два этажа, участок земли, совсем рядом с морем. Я тряслась в экипаже и представляла свой дом в мельчайших деталях. Белые стены, черепичная крыша, много солнца и ярких цветов, которые я буду поливать по утрам, небольшая терраса, где можно завтракать, уютный сад.

Когда мы проезжали города и деревеньки, я примеряла к себе разные дома и детали: витражное окошко, крыльцо с пестрым ковриком, забавный флюгер в виде кота. Но примерно недели через две пути, когда я окончательно сбилась со счета бесконечной вереницы дней, то готова была поселиться хоть в древней развалюхе, хоть в шалаше, лишь бы больше не трястись по дорогам страны, которые становились все хуже. Ветер задувал сквозь щели экипажа, кусая меня за бока и щипля щеки, и вскоре я укуталась в одеяло, которое дал мне Говард Доксвелл. Я начала подозревать, что он решил уморить меня странствием и приказал кучеру ездить по кругу, но однажды, когда за окном уже сгустились сумерки, переднее окошко открылось, и хриплый голос сообщил:

– Почти прибыли. Вон стены Вилары.

Я выглянула наружу и увидела в долине огни. Серые сте-

ны города почти сливались с горами, которые подступали совсем близко, а впереди, до самого горизонта, простиралось море. Гавань изгибалась собачьим хвостом, а на его конце мелкими блошками висели редкие корабли. В нос ударили незнакомые запахи, и стало как будто теплее, так что я откинула кусачее одеяло и вцепилась пальцами в край окна.

Мой новый дом. Будут ли мне там рады? Я ведь даже не знаю, есть ли в доме слуги, и на что я буду жить. Той суммы, что у меня есть, хватит ненадолго, содержания Говард мне не выделил, и я слабо представляла, чем смогу зарабатывать. Быть может, устроюсь гувернанткой в не слишком требовательную семью. Либо же буду сдавать комнаты, если дом окажется просторным. Вилара – портовый город, постояльцы найдутся. Но мне будут нужны кухарка, горничная, другие слуги...

Мы обогнули город, не проехав сквозь арочные ворота. Серая стена с квадратными зубцами опоясывала его сплошной лентой, защищая от возможных опасностей. Мне бы тоже не помешала поддержка. Я с разбегу нырнула в новую жизнь, едва ли умея плавать.

Экипаж затрясся по брусчатке, и я сцепила зубы, радуясь, что скудный обед в придорожной таверне был очень давно. За окном совсем стемнело, где-то вдали скулила собака. Дорога спустилась почти к самому морю, и экипаж наконец остановился. Кучер спрыгнул с козел, открыл мне дверь, но загородил проем, не давая выйти.

– Послушайте, госпожа, – начал он, хмуря белесые брови.

За всю дорогу он едва ли сказал мне с десяток слов, но вел себя уважительно и внимательно. Во всех трактирах брал мне лучшую комнату, один раз даже с лоханью, куда служанки принесли пару ведер теплой воды. Покупал сладкие сухарики, чтобы было что пожевать в дороге, и чистую воду, и не забывал регулярно останавливаться в пути, избавляя меня от неловких просьб. Так что я прониклась к молчаливому мужику симпатией и даже думала – не попытаться ли мне сманить его у Говарда. Но вряд ли я смогу платить ему больше. Вряд ли я вообще смогу кому-то платить.

– Не надо вам здесь оставаться, – заявил кучер.

Как будто у меня были другие варианты.

– Плохой это дом, нехороший, – продолжил он и, сняв кепку, нервно обернулся. – Я ведь родом отсюда, с Вилары. Хозяин меня отправил в один конец. Мать уже старая, пора приглядеть. Правда, жалованье, что накопил, почти все за карету отдал. Наймусь извозчиком в порт...

– Почему плохой дом? – спросила я, пытаюсь рассмотреть хоть что-то за его плечом.

Если здание требует ремонта, так что ж. Постепенно можно будет привести его в порядок. Хотя бы одну комнатку.

– Там привидение, – выпалил кучер и, снова натянув кепку на редкие волосенки, умолк.

А я решительно подалась вперед и, вынудив его посторониться, выбралась из экипажа. Разогнувшись, переступила

с ноги на ногу, разминая затекшие мышцы. Всмотрелась в ночь, и из темноты выступил высокий фасад здания.

Охнув, я медленно пошла вперед по мощеной дорожке. Дом выглядел внушительно и слегка пугающе: черные стены, узкие стрельчатые окна. Широкая лестница раскинулась перед парадным входом. Пестрый коврик на таком крыльце будет смотреться нелепо, так что я сразу выбросила его из списка покупок. А вот два дракона, скалящие пасти по обе стороны ступеней, выглядели вполне органично. Длинные хвосты, покрытые зеленоватым налетом, изгибались и тянулись вверх, образуя перила. Сколько я ни вглядывалась, света внутри не увидела. Здесь никто не живет?

– Я могу отвести вас к своей матери, – предпринял еще одну попытку кучер. – Она добрая женщина. Или в монастырь, что в горах.

Я энергично помотала головой. После знакомства с Костой путь в монастырь мне заказан. Вряд ли я смогу рассказать в этом грехе.

– Дело ваше, эльена, – вздохнул кучер и, бухнув рядом с крыльцом сундук с моим добром, вернулся к экипажу. Лошадка поцокала по дороге так резво, точно тоже желала убраться скорее.

Я погладила оскаленную морду левого дракона, почесала чешую на загривке и медленно пошла по ступеням вверх. Привидение? Я пренебрежительно фыркнула, надеясь вернуть себе уверенность. Живые люди куда страшнее. Но все

это, конечно, выдумки. Оно и понятно: дом старый, мрачный, оброс байками и детскими страшилками. Никакого привидения там нет. Может, иногда скрипит пол, или ветер дует в камине, или...

В окне мелькнул огонек, и я, с облегчением выдохнув, взбежала по ступенькам. Взявшись за толстое кольцо, постучала, и дверь бесшумно открылась.

– Слава богам, – выдохнула я, когда на меня с изумлением уставилась красивая женщина в красном бархатном платье. – Я Элисьена эль Соль, – представилась я, но, сбившись, исправилась: – Вернее, уже Доксвелл. Вдова. Мне достался этот дом в наследство от покойного мужа. А вы экономка?..

Женщина все еще смотрела на меня с удивлением, граничащим с испугом, точно я какое-то привидение. Впрочем, я не мылась уже дней шесть, так что ее ужас был понятен.

– Вас, наверное, не предупредили о моем появлении, – виновато добавила я. – Но у меня все документы с собой.

Я поспешно открыла сумочку и вынула пачку бумаг.

– Можете взглянуть, если хотите.

– Не надо, – ответила дама густым контральто. – Я ждала тебя. Слишком долго, пожалуй.

– Мы очень долго ехали, – с готовностью подтвердила я, хотя внезапный переход на «ты» слегка меня озадачил. Главное, что меня ждали. Как это прекрасно! Значит, есть надежда на ужин и, пусть боги будут милостивы, ванну...

– Зови меня Реджина, – представилась дама.

– Хорошо, Реджина, – кивнула я, согласная звать ее как угодно, если она даст мне свежую постель, которая не будет трястись подо мной, как сиденье в экипаже. – Вы... Ты присматриваешь за домом?

– Можно и так сказать, – ответила женщина.

Она была красива: удлиненные темные глаза, роскошные волосы, забранные в высокую прическу, женственная фигура. Изящная рука, держащая свечу, явно никогда не знала физической работы. Возраст – лет двадцать пять, или около того. Интересно, сколько Говард платит Реджине, если она может позволить себе такие платья и украшения? В маленьких ушках сверкали бриллианты, а на шее блестела тяжелая цепочка с кулоном, который прятался в декольте.

– Такая молоденькая, – заметила Реджина, тоже пристально меня разглядывая. – Элисьена эль Соль... Славный род.

– Увы, наша искра иссякла, – сказала я.

– Да что ты говоришь, – произнесла она со странной интонацией, в которой мне померещился сарказм.

– Так и есть, – ответила я, стараясь сохранять достоинство. – Мой дед владел крохами магии жизни, но отец потерял этот дар. Мать вовсе была не эльеной, так что...

Я развела руками. Дядя надеялся, что во мне проснется искра, и пригласил храмовников на мое совершеннолетие. Долго с ними разговаривал, запершись в кабинете, и вышел оттуда мрачнее тучи. А потом решил сбыть меня поскорее как негодный товар.

– Ты чья вдова? – спросила Реджина. – Кто из Доксвеллов скончался?

– Гевин, – ответила я, слегка удивленная тем, что она не в курсе. Видимо, Говард не счел нужным посвящать экономку в личные дела семьи.

– Гевин, – повторила она. – Такой угрюмый мальчуган, что вечно мучил щенят?

– Ему было почти шестьдесят, – сказала я. – Другой Гевин.

– Значит, тебя выдали за старика, – задумчиво покивала она. – Ты сирота?

– Да, – ответила я. – Моим опекуном был дядя.

– Бьюсь об заклад, он тот еще козел, – фыркнула Реджина, и я невольно прониклась к ней симпатией. – А ты, выходит, сбежала от него сюда.

– Здесь, вроде, неплохо, – неуверенно ответила я. – Но я очень устала.

– Еще бы, – сочувственно вздохнула она. – Бедное дитя. Ступай наверх, в левое крыло, дальняя комната справа. В ванной есть горячая вода, постельное белье свежее. Я принесу тебе перекусить. О багаже не волнуйся.

– Спасибо, – от души поблагодарила я.

Ванна, еда, постель. Я готова была обнять женщину в порыве чувств, и, видимо, что-то такое отразилось на моем лице, потому что она слегка отшатнулась. Представляю, как от меня несет. Я смутилась, но Реджина улыбнулась мне.

– Все будет хорошо, Элисьена, – пообещала она.

Я поднялась по широкой лестнице, опираясь на перила из красного дерева. Интерьер устаревший и претенциозный, и я ему не соответствовала. Дом был мне словно на вырост, и я не могла в полной мере осознать, что он мой, чувствуя себя гостьей. Я прошла по темному коридору, устланному ковром, толкнула тяжелую дубовую дверь, и светильники на стенах вспыхнули. Надо же, в доме есть магия! Посреди комнаты стояла широкая кровать с резными столбиками по краям, которая так и манила упасть на мягкую перину. Большой шкаф занимал всю противоположную стену, возвышаясь до самого потолка, перечеркнутого балками. За окном виднелся залитый лунным светом сад, в глубине которого белели мраморные скульптуры, увитые плющом.

В углу я нашла дверь, ведущую в ванную комнату, и, открыв кран, мысленно послала Говарду Доксвеллу пожелание счастья. Какой все же прекрасный человек! Не чета своему отцу. А вдруг Говард знал о байках про привидение и решил сбить мне проклятый дом?

Я сняла одежду и бросила ее в корзину для грязного белья.

Нет, Говард практичен до мозга костей и вряд ли верит в сказки. Но с какой стати дарить мне такой шикарный особняк, да еще и с магическими удобствами? Неужели он проникся ко мне внезапной симпатией?

Хотя Косте я тоже понравилась. Я видела это в его взгляде, чувствовала в прикосновениях. Та сумасшедшая ночь уже дважды повторялась в моих снах, я была в них красивой и

желанной и, просыпаясь, продолжала чувствовать себя таковой. Но помыться не помешает.

Я забралась в ванну, и все мысли и сомнения растворились в горячей воде. На полочке у стены нашлись ароматная пена и мыло. Смыв дорожную пыль и запахи таверн, которые, казалось, пропитали меня насквозь, я выбралась из ванны, вытерлась пушистым полотенцем, и, укутавшись в халат, висевший у двери, вышла в спальню. На низком столике у кровати меня уже ждал ужин, и я с жадностью на него набросилась. Ничего особенного: ломоть свежего хлеба, ветчина, сыр, но мне показалось, что я в жизни не ела ничего вкуснее. Запив теплым чаем с малиной, я забралась в мягкую постель. Светильники погасли, погрузив комнату в мрак, и я тут же уснула.

Глава 4

Проснулась я от стука и голосов. Кто-то бурчал и ругался, а другой голос его успокаивал. Я вскочила с кровати и, накинув халат, крадучись вышла из комнаты.

– Умерла, как пить дать, бедняжка, – настаивал дребезжащий голос. – И будут они теперь вдвоем ходить, неприкаянные.

– Вы должны были прийти ко мне ночью, – заявил второй голос, твердый и уверенный.

– Чтобы мы все тут и остались? – возмутился первый. – Никто не ходит в черный дом по ночам. Никто!

Перегнувшись через перила, я устояла на мужчину в светлом костюме и хмурую старушку с клюкой.

– Кто вы? – хрипло спросила я. – Что вам нужно?

Старушка подпрыгнула на месте и попятилась к двери, выставив перед собой клюку, будто готовясь от меня отбиться. А мужчина с явным облегчением в голосе произнес:

– Госпожа Доксвелл, – сняв шляпу со светлых волос, он поклонился и представился: – Руперт Коперо, мэр Вилары. Рад приветствовать вас в нашем городе.

– Может, это уже и не она, – закрипела старушка. – Может, в нее вселился злой дух.

– Я скоро спущусь, – сухо пообещала я и прошествовала назад в спальню, стараясь держаться с достоинством, хоть

это и было непросто в халате и босиком. А уж что у меня сейчас творилось на голове, лучше вовсе не представлять.

Оказавшись в комнате, я в панике заозиралась, но моего сундука не было. Я открыла шкаф, надеясь найти что-нибудь подходящее, и обнаружила на вешалках всю свою одежду, а внизу, на полке, туфли. Когда только Реджина успела разобрать мой багаж?

Выбрав скромное серое платье, соответствующее статусу вдовы, и туфли на низком ходу, я наскоро заплела косу и вышла к гостям. Они так и стояли у подножия лестницы, словно боясь сделать шаг в сторону.

– Прошу прощения за внезапный визит, – сказал мэр. – Но я бы приехал и ночью, если бы мне сообщили о вас ранее.

– Вот как? – произнесла я, спускаясь по лестнице. – В чем же причина ваших волнений, господин Коперо?

– Дом проклят, – коротко сказал он, и я, не сдержавшись, усмехнулась.

Старушка поджала губы, мэр тоже оставался серьезным, так что я уточнила:

– Вы не шутите?

– Нет, – ответил он. – Вам лучше покинуть его немедленно.

– Если уже не поздно, – зловеще добавила старушка, а потом вдруг выхватила из кармана пузырек и плеснула мне в лицо водой.

Я вскрикнула от неожиданности, и она заголосила:

– Именем светлой Мауриции заклинаю, злой дух, изыди!

Я вытерла лицо ладонью и сердито глянула на старушку.

– А может, я и ошиблась, – пробормотала она и виновато улыбнулась. – Это мой сын вчера привез вас, госпожа. Ошибался по столицам почти двадцать лет, а ума не нажил. Надо было сразу ко мне везти, я бы за постой много не взяла. Так нет, оставил бедную девушку прямо в логове зла. Тьфу! – в сердцах плюнула она прямо на мой пол.

Вчера я толком не рассмотрела холл, но сейчас он мне очень нравился. Сквозь высокие узкие окна лились полосы света, попадая на пустые массивные горшки. Когда-то в них росли цветы, и я посажу их снова. На логово зла совсем не похоже.

– У меня есть свободная квартира неподалеку от порта. Возможно, вам будет удобнее остановиться там, госпожа Доксвелл, – предложил Руперт.

– Я не собираюсь никуда уезжать. Это теперь мой дом. Элисьена эль Соль, – представилась я. – Предпочитаю свою фамилию, а не покойного мужа.

– Что ж, Элисьена эль Соль, позвольте пригласить вас на завтрак, – галантно произнес мужчина.

Я благосклонно кивнула. Реджина, видимо, ушла по делам, а может, отсыпается после того, как всю ночь разбирала мои вещи, а я вовсе не против перекусить. Я чудесно выпалась и отдохнула, и аппетит снова разбушевался.

Когда мы вышли из дома, я с некоторым содроганием ждала, что придется сесть в экипаж, но мэр, как оказалось, при-

шел пешком.

– У нас весна, – мечтательно сказал он. – Всегда приходит неожиданно. Ветер переменился, и сразу стало теплее. Скоро здесь будет очень красиво.

А мне и так нравилось то, что я видела. Мой дом стоял сбоку от Вилары, но крепостная стена тут обрывалась. Хлопали деревянные ставни в каменных двухэтажных домах, смеялись дети, катая тряпичный мяч вдоль дороги, уставший мужик тянул ослика в одну сторону, но тот упорно пятился в другую. Трехцветная кошка, улегшаяся на бронзовой спине дракона, жмурилась под солнцем и громко мурлыкала.

Старушка, осенив меня напоследок благословляющим кругом, скрылась в переулке, а мы с мэром свернули к морю.

– Ваш кучер сообщил, что Гевин Доксвелл умер, – сказал Руперт.

– Верно, – подтвердила я.

Мэр поглядывал на меня с тщательно скрываемым любопытством, и я вдруг представила, что обо мне будут болтать. Мой муж не пережил брачную ночь. Наверняка сплетни обрастут деталями и пошлыми подробностями.

– Соболезную вашей утрате, – произнес он. – Я тоже овдовел пару лет назад.

– Мне жаль, – сказала я, не зная толком, как еще выразить сочувствие.

Я не собиралась горевать по Гевину, но терять близкого любимого человека тяжело, и вряд ли Руперта утешат слова

незнакомки.

– А вы, значит, провели ночь в черном доме и не видели ничего необычного? – вернулся он к прежней теме.

– Абсолютно ничего, – подтвердила я. – Меня встретила экономка Доксвеллов. Я разместилась с максимальным комфортом и не собираюсь уезжать из-за какого-то выдуманного призрака.

Мне, в общем-то, и некуда.

– Понимаю ваш скептицизм, – улыбнулся мэр, и от уголков его глаз разбежались лучики морщин.

Он был едва ли выше меня, с мелкими чертами лица, которые все время находились в движении. Он то улыбался, то вскидывал брови, то морщил длинный нос со вздернутым кончиком. Шляпу Руперт так и не надел, и ветер перебирал светлые пряди его волос.

– Доксвеллы давно пытались продать этот дом, – сказал он. – Еще до того, как меня перевели в Вилару. Но потенциальные покупатели сбегали в ужасе. Дух шумел, швырял вещи, а один раз пытался задушить мужчину, который рискнул остаться там на ночь.

– Откуда вы знаете, что это правда? – прямо спросила я.

– Вообще-то я сам подумывал купить черный дом, – признался Руперт с обезоруживающей улыбкой. – Когда меня перевели в Вилару, город медленно умирал, коварные течения делали морской путь непригодным, месторождения драгоценных камней в горах истощились. Каково же было мое

удивление найти в нем дом, напичканный магией по самый чердак. У вас там все возможные удобства.

– Да, – не без гордости подтвердила я.

– Я отправил письмо к поверенному Доксвеллов, а сам решил, что ничего плохого не случится, если я посплю одну ночь в доме. Неловкая ситуация, но видели бы вы ту плесень в городской управе!

– Вы спали в моем доме? – уточнила я.

– Пытался, – виновато улыбнулся он. – Это я – тот мужчина, которого едва не задушил призрак. Я проснулся от того, что мне прижали к лицу подушку, а потом поднялся такой вой, что я схватил свои вещи и выскочил на улицу. Была зима, и я едва не отморозил себе... ноги.

– Возможно, вам просто приснился дурной сон, – предположила я. – Потому что я сегодня спала прекрасно.

– Возможно, – не стал спорить Руперт. – А может, призрак получил, что хотел, и ушел. Или растворился в небытие от старости. Либо же, что куда вероятнее, дело в вашей крови, Элисьена эль Соль. Эльена. Магия жизни изгоняет духов. Но я хочу, чтобы вы знали, если что – я рядом. Не стесняйтесь обратиться за помощью, советом, да и просто так. В конце концов, это моя работа.

Он подал мне руку, помогая взобраться по крутому подъему. Его ладонь оказалась сухой и горячей, и прикосновение не было неприятным.

Мы шли по городу, сворачивая то вправо, то влево, и я со-

всем потерялась. Над моей головой хлопало на ветру белье, нависали балконы, переругивались соседки. Говорили в Виларе немного не так, как в столице, чуть растягивая гласные. Но жизнь здесь бурлила, и город совсем не казался умирающим.

– Я рад, что дом нашел хозяйку, – продолжил Руперт. – В каждом городе должна быть своя достопримечательность. Это его история. Было бы грустно, если бы дом просто разрушился от старости, или Доксвеллы решили его снести.

Мы снова свернули, и я решила, что Руперт специально водит меня по лабиринтам улиц, но каменные стены вдруг оборвались, и передо мной распахнулся бескрайний простор. Кричали чайки, шумели люди. Мелкая псына выкатилась под ноги с колбасным обрезком в зубах и тут же удрала. В гавани у причала возвышались большие корабли со спущенными парусами, а вдали на лазурной глади рассыпались мелкие лодочки.

– Вскоре после моего назначения произошло землетрясение. Жутковато, честно скажу. Но потом выяснилось, что течение поменялось, – сказал Руперт. – Теперь корабли могут беспрепятственно заходить в нашу гавань. Вилара получила шанс на второе рождение и воспользовалась им.

Он поставил ногу на высокий бордюр, окаймляющий набережную, и оперся на колено.

– Это жизнь, развитие, возможности, – сказал Руперт, прищурившись и глядя на море, сверкающее под солнцем. –

И то же самое я вижу, когда смотрю на вас.

– Правда? – произнесла я, не понимая, к чему он клонит.

– Я вижу в вас потенциал, Элисьена, – пояснил он, повернувшись ко мне. – Вилара растет, сюда приезжают новые люди. Они заключают сделки и уезжают, чтобы снова сюда вернуться, но помимо деловых контактов мне нечего им предложить.

Я напряженно слушала его и, намотав прядь волос на палец, прикусила кончик.

– У нас совершенно нет высшего общества, – вздохнул Руперт, и его светлые брови жалобно приподнялись. – Но тут появляетесь вы, Элисьена эль Соль. Вдова, безутешная, но очаровательная, способная украсить собой любой вечер.

– Я не тоскую по мужу, – решила я признаться.

– Тем лучше, – усмехнулся мэр. – Сложно устраивать вечера и приемы, если вы в строгом трауре.

Я никогда не была на балу, а теперь мэр Вилары полагает, что я стану центром светской жизни?

– Многие стали приезжать в Вилару с женами и детьми, – сказал Руперт. – Разумеется, им было бы комфортнее остановиться на ночлег у эльены, а не в захудалой корчме. Хотя, справедливости ради, таверна, что открылась в прошлом году, вполне приличная. Но это все же не то, понимаете?

– Да, – кивнула я. – Да, это мне подходит. Я и сама подумывала сдавать комнаты.

Руперт бросил на меня цепкий взгляд.

– Помимо экономки, которую вам дали Доксвеллы, понадобятся и другие слуги. Скорее всего, будет нужен ремонт. Дом долго стоял пустым. Если вы стеснены в средствах, я готов помочь.

– Нет, – отказалась я. – Не надо. Пока что.

Я понятия не имела, сколько стоит организовать прием, обустроить комнаты для гостей. Может, в доме всего одна спальня в хорошем состоянии, и ту я уже забрала себе.

Руперт по-свойски взял мою ладонь, положил себе на сгиб локтя и повел к белому дому, стоящему прямо у причала.

– Я предпочитаю быть в гуще событий, – пояснил он, поднимаясь по белым мраморным ступеням.

Однако на террасе, выходящей в маленький садик, было относительно тихо. Я запоздало подумала, что не стоило сразу принимать предложение мужчины и приходить к нему в гости без сопровождения, но здесь, в Виларе, нравы могли быть проще. А раз я и есть высшее общество, значит, могу устанавливать свои правила. К тому же я очень хотела есть.

Служанка подала нам кофе, теплые булочки, творог с ягодами и тонко нарезанные груши, политые медом. Жизнь становилась похожей на сказку и приобретала вполне определенные очертания. Я буду сдавать комнаты состоятельным путешественникам, строить из себя высокородную даму и иногда завтракать с мэром города на чудесной террасе под тенью раскидистых пальм.

Руперт рассказывал мне про Вилару, и было видно, что он

горит своим делом. Он видел город центром торговых путей, второй столицей.

– А что, если призрак все же есть, – ляпнула я, когда в разговоре повисла редкая пауза, – и станет донимать моих гостей?

– А что ваша экономка? Она не жаловалась на потустороннее?

– Нет, она ничего такого не говорила, – сказала я. – Хотя казалась слегка напуганной. Наверное, тоже наслушалась страшных историй.

– Значит, привидение и правда исчезло. Иначе она бы дала о себе знать в первую же ночь.

– Она? – переспросила я. – Это женщина?

– Я ее не видел. Только слышал душераздирающий вопль, от которого едва не поседел. Но, говорят, она иногда мелькает в окнах. Если смотреть не пристально, а как бы расфокусировав зрение, то можно заметить силуэт со свечой в руках.

Кофе вдруг стал невыносимо горьким, и я с трудом его проглотила. Ничего странного, что Реджина держала свечу. Не в темноте же ей бродить по дому.

– Откуда она, эта женщина-призрак, вообще взялась? – спросила я.

– Тут легенды расходятся, – ответил Руперт. – Кто-то говорит, что муж живьем замуровал ее в стене черного дома, кто-то, что она сама его придушила и поэтому не может получить прощение высших сил. Есть версия, что она жаждет

мести за коварно убитого возлюбленного.

Я зябко подернула плечами.

– Не бойтесь, Элисьена, – успокоил он меня. – Мое предложение все еще в силе, и если вам захочется переехать – пожалуйста.

В его взгляде мелькнуло что-то хищное, жадное, но Руперт моргнул, обезоруживающе улыбнулся, и я решила, что мне померещилось. Служанка забрала грязные тарелки и принесла десерт: мороженое со взбитыми сливками, присыпанными шоколадной крошкой и орехами, в широких хрустальных бокалах на тонких ножках. Салфетки были накрахмалены, столовые приборы безукоризненно блестели. Если мне надо будет принимать гостей, то все должно быть на высшем уровне. Справлюсь ли я? Потяну ли?

– Надеюсь, привидение ушло, – пробормотала я. – Если оно и правда было.

В самом деле, что за глупости иногда приходят мне в голову. Я разговаривала с Реджиной, она накормила меня ужином. Призраки так себя не ведут. Наверное.

– Надеюсь, – согласно кивнул Руперт. – Однако я буду рад помочь, если алая дама вдруг вернется.

Ложечка выпала из моей руки, звякнув о стол.

– Так ее называют, – пояснил мэр.

Мое сердце колотилось словно набат, а во рту пересохло. Алая дама. Со свечой в нежной ручке. Не могла же я вчера так спокойно беседовать с призраком?

– Вы больше не хотите мороженое? – спросил Руперт, и когда я покачала головой, забрал мою порцию. – Обожаю сладкое, – признался он.

Экономка решила принарядиться. Быть может, у нее было свидание. А скорее всего, никакого призрака и не было никогда. Мало ли, мэр мог сам во сне положить подушку себе на голову, а потом в трубах взвыл ветер. Спросонья Руперт испугался, сбежал... Да, все так и было.

– У нас в Виларе раньше жили эльены, – сказал мужчина, увлеченно доедающий мое мороженое. – Задолго до моего назначения. Вон там их дом, – он махнул ложечкой в сторону гор, где виднелись изящные белые башенки.

– Угу, – промычала я, обуреваемая страхами.

Отсюда, с террасы, мой дом тоже был виден. Черный и мрачный, точно вдова, затесавшаяся на свадьбу. Алая дама бродит в его стенах по ночам...

– Они владели месторождениями драгоценных камней, но те иссякли. Кажется, я уже говорил, – рассказывал мэр.

– Угу, – снова подтвердила я.

В моей крови нет никакой магии, искра погасла. Я бы не смогла изгнать призрака, он бы явился. Но если так и произошло, и это Реджина?!

– Правда, они давно уже не приезжали, – Руперт облизнул ложечку и, подняв глаза, задумался. – Эль Брао, – вспомнил он. – Точно. Так их зовут. Вы случайно не знакомы с наследником рода? По слухам, настоящий эльен, блестящий моло-

дой человек.

– Никогда не встречала, – качнула я головой.

Глава 5

Мэр собирался меня проводить, но я отказалась. Хотелось погулять, осмотреть окрестности, познакомиться с городом, в котором мне предстояло жить. Я не боялась, что заблужусь. Достаточно взобраться повыше – и черная, будто горелая крыша, выглядывала из-за домов.

На залитой солнцем набережной мои страхи немного рассеялись, и я решила, что пора возвращаться. Быть может, прежняя Элисьена поджала бы хвост и приняла предложение мэра о переезде, но я изменилась. В конце концов, мне хватило духу переспать с незнакомцем. Я не побоялась заключить сделку, от одной мысли о которой приличная дама упала бы в обморок. Коста называл меня Лисичкой, и я, примерив образ рыжей хищницы, решила, что он мне нравится. Я не стану бояться какого-то призрака, даже если он есть.

Разносчик сладостей угостил меня крендельком, и я, улыбнувшись парню, впилась зубами в хрустящую корочку, присыпанную семечками. Свернув в город, поплутала немного, но вскоре вышла к черному дому и остановилась.

Не такой уж и мрачный. Строгие линии, лаконичные формы. Если посадить тут побольше цветов, то будет красиво. Мысленно дорисовав поверх черных стен плетистые розы и клематисы, я убедила себя, что дом вовсе не страшный, и вошла внутрь.

– Реджина? – позвала я.

Мой голос прозвучал гулко, отразившись от стен, но никто не ответил. Пожав плечами, я решила исследовать доставшееся мне наследство.

Дом оказался просторным и очень чистым. Я не нашла ни грязи, ни пыли, ни мышиных следов. На первом этаже холл, большой зал, еще один поменьше и поуютнее, кабинет, комната для прислуги, кухня, ванная и кладовая.

В комнате для прислуги я задержалась и воровато заглянула в шкаф. Пестрые платья, передник, на столике в углу – крошки, а кровать смята. Тут кто-то жил, но представить Реджину в цветастом халате не получалось.

– Реджина! – позвала я еще раз и даже заглянула под кровать, как будто она могла там от меня прятаться, но нашла лишь растоптанные туфли.

Второй этаж делился лестницей на два крыла, и в каждом было по четыре спальни. Все с ванными комнатами, в шкафах – запасное постельное белье и полотенца. Можно открывать гостиницу хоть сейчас.

А вот сад выглядел диким и запущенным. Кустарники, которые никто не подстригал, разрослись, сорная трава вытеснила цветы с клумб, а скульптуры оплетал дикий плющ. Беседка издали выглядела симпатично: изящные мраморные колонны, круглая черепичная крыша, но вблизи оказалось, что лавки сгнили, стол изъели жуки, а с крыши свисали полотна паутины.

Я вернулась в дом, нашла в кабинете на первом этаже бумагу и карандаш и прошла еще раз по всем комнатам, делая пометки о первостепенных задачах. За работой я совсем не заметила, как пролетел день, и опомнилась, только когда надо мной мягко вспыхнули свечи.

В животе заурчало от голода, и в леднике на кухне я нашла ветчину, которой вчера меня угощала Реджина. В чайнике плескался малиновый чай, и я сумела подогреть его на плите. Устроившись за длинным столом, я перекусила, поглядывая в окна. Отсюда открывался чудесный вид на горы, окутанные дымкой тумана. Виднелся и дом эль Брао – большое светлое здание с высокими башенками, почти что замок. Наверное, в таком доме жить куда приятнее: не приходится терзаться чувством, что вот сейчас из-за спины на тебя выпрыгнет привидение.

– Привет, – сказала Реджина, заходя в кухню, и я поперхнулась чаем и закашлялась, глядя на женщину.

Она была все в том же красном платье, но уже без свечи.

– Как прошел день? – спросила она как ни в чем не бывало, присаживаясь напротив.

Может, все же не призрак? Просто любит это платье. И прическу. И сережки. И цепочку с кулоном, прячущимся в декольте.

– Нормально прошел, – сипло ответила я. – А у тебя?

– Да как обычно, – уклончиво сказала она.

– А как у тебя обычно проходят дни? – поинтересовалась

я, и Реджина цепко на меня посмотрела.

– Тебе уже все рассказали, да? – вздохнула она.

А я резко подалась вперед и схватила ее за руку, лежащую на столе. Вернее, попыталась схватить, потому что мои пальцы прошли сквозь нее и ткнулись в столешницу. Шикнув, я посмотрела на сломанный ноготь.

– Только не надо паниковать! – Реджина вскочила и заслонила собой дверной проем. – Элисьена, я все объясню!

– Злой дух, изыди! – выкрикнула я, вспомнив утренний визит старушки. – Именем светлой Мауриции!

Схватив недопитый чай, я плеснула им в Реджину.

– Правда думаешь, меня можно изгнать заваркой? – поинтересовалась она, сдвинувшись с малиновой лужи, расплескавшейся по полу.

Я вскочила с места и встала так, чтобы между нами был стол. Осенила себя благословляющим знаком, потом ее – привидение даже не дрогнуло, только иронично изогнулась темная бровь. Схватив карандаш, которым делала пометки, я нарисовала на полу круг и встала в центр.

– Если тебе так комфортнее – я ничего не имею против, – миролюбиво согласилась Реджина. – Можешь хоть весь дом кружочками изрисовать и прыгать из одного в другой.

В дядиной библиотеке был старый, затертый томик о славных деяниях эльенов. Но, зачитываясь подвигами, я обычно пропускала тягомотные заклинания. Знала бы, что понадобится, вызубрила бы наизусть. А теперь я отчаянно пыталась

вспомнить нужные слова против злых духов.

– Прелейся свет и озари мрак, – заунывно протянула я и подняла руки. Почему-то мне казалось, что именно так делают эльены, когда сражаются с порождениями тьмы. – Защити от зла... Эйвертустен... Друстен... Как же там было...

– Давай проясним, я не собираюсь причинять тебе вред, – заверила Реджина. – Напротив, я готова тебе помочь. Элисьена, как ты вообще собираешься жить? На что? Тех денег, что ты привезла с собой, хватит в лучшем случае на год.

– А что ты предлагаешь? – с подозрением спросила я, опустив руки. – Помереть и стать твоей неразлучной подружкой? У призраков расходов поменьше?

– Дружба, – кивнула Реджина. – Это именно то, о чем я говорю.

Она медленно пошла ко мне, не обращая внимания на стол, и теперь торчала по пояс прямо из столешницы, как ваза.

– Ты – одинокая бедная девочка, – жалостливо произнесла она, протягивая ко мне руки. – Но я могу стать твоей опорой.

Я рванула прочь из кухни. О чем я вообще думала? Зачем сюда возвращалась? Лисица? Хищница? Мне хотелось стать маленькой мышкой и забиться в какую-нибудь норку. Поскользнувшись на пролитом чае, я едва не грохнулась на пол.

– Элисьена эль Соль, – строго сказала алая дама, вырастая прямо у меня на пути.

Я взвизгнула от неожиданности и свернула к лестнице.

— Еще не хватало, чтобы ты и вправду расшиблась тут насмерть, — пожурила она меня, заслоня ступеньки.

Я кинулась назад, заметалась по залу.

— Я думала, ты смелее, — укорила Реджина, снова появляясь впереди. — И адекватнее. Ведите себя достойно, эльена!

Заметив у камина кочергу, я схватила ее и выставила вперед как шпагу.

— Ты чуть не придушила мэра! — воскликнула я. — А теперь хочешь, чтобы я поверила в твою доброту?

— Мэр? — Реджина задумалась, вспоминая, но потом ее взгляд прояснился. — Ах да! Он храпел.

Я рванула вперед, отмахнулась от нее кочергой, распахнула тяжелую дверь и слетела вниз по ступенькам. Свежая весенняя ночь охладила мои разгоряченные щеки, а ветер раздул юбку парусом. Теперь через город в сторону моря, а дом мэра у самой пристани, не заблужусь.

— Ты нужна мне! — выкрикнула вслед Реджина, и я обернулась.

Она стояла между драконами, на последней ступеньке лестницы, и красивые темные глаза блестели от слез.

— Пожалуйста, не уходи, — попросила она, заломив руки.

Это было что-то совсем новое. Во мне кто-то нуждался. Пусть даже этот кто-то был не совсем живым. И я отчего-то не могла сдвинуться с места.

— Я живу... существую в этом доме уже так долго, что сби-

лась со счета, – торопливо сказала Реджина. – Никто меня не видит, не слышит, не говорит со мной. Я не знаю, почему здесь оказалась. Я не помню, что со мной произошло. Я не могу уйти. Пожалуйста, помоги мне.

– Но как? – удивилась я. – Я не умею изгонять духов.

– И не надо, – кивнула Реджина и, покусав губы, попросила. – Просто... говори со мной.

Я глянула через плечо. В городе зажглись огни. Уже поздно, люди ложатся спать. Являться к мэру посреди ночи неприлично, но я могла бы пойти в таверну.

– Элисьена, – взмолилась Реджина снова. – Не бросай меня здесь одну.

Я очень хорошо знала, что такое одиночество. Как-то раз случайно разбила чашку, и дядя не разговаривал со мной два месяца, запретив и слугам со мною общаться.

Я сделала шажок к дому, все также выставив перед собой кочергу, и Реджина просияла. В конце концов, глупо сбегать вот так, даже не попробовав. Ну, призрак. Ну, алая дама. Но она кажется куда более доброжелательной, чем многие живые люди.

– Только не души меня! – строго сказала я.

– Не буду, – заверила она. – Тем более ты совсем не храпишь. Я всю ночь смотрела, как ты спишь. Словно ангел.

Я замерла, занеся ногу над ступенькой.

– И не смотри, как я сплю, – потребовала я.

– Хорошо, – тут же согласилась она. – Я сделаю все, как

ты скажешь, Элисьена.

Когда я вернулась в дом, дверь за мной с грохотом закрылась.

– Ты сказала, тебя никто не слышит, – запоздало вспомнила я, повернувшись к Реджине. – А мэр говорил, что ты была на весь дом!

– О, это мой хитрый прием! – она вихрем метнулась к камину, полностью в нем исчезла, а потом дом загудел так, что окна зазвенели.

Я зажала уши ладонями, зажмурилась, а когда все стихло, открыла глаза и увидела перед собой довольную Реджину.

– Не делай так никогда, – мрачно попросила я.

– Хорошо, – согласилась она. – Вот такие звуки обычные люди улавливают. Как ты понимаешь – слабо напоминает общение. Ну, или можно орать прямо в ухо, иногда работает.

– Но если тебе скучно, почему ты всех пугаешь?

– Потому что они берут мои вещи, переставляют тут все, ходят сквозь меня... – пожаловалась Реджина. – Служанка, которая якобы присматривает за домом, только спит и пьет. Раньше меня хотя бы пытались изгнать, и это было забавно: рисовали схемы на полу, пели песни. Однажды тут танцевала толпа монашек, и дом потом несколько дней вонял горькими травами.

Она хлопнула ладонями и потерла их.

– Так что, чем займемся, Элисьена? Хочешь, сыграем в карты? Или, быть может, перетряхнем гардероб? В шкафу в

синей комнате осталось несколько приличных платьев. Можно перешить их по теперешней моде, добавить оборок.

— Я вдова, — напомнила я. — Оборки лишние. Да и траты мне ни к чему.

— У меня есть маленький тайничок, — загадочно прошептала Реджина, как будто кто-то мог нас подслушать. — В стене. Там не так уж и много, горсть золотых, но на черный день сгодится.

— Вообще-то я собиралась сдавать комнаты, — сказала я, неуверенная, как Реджина отнесется к этой затее.

— Чудесно! — воскликнула она. — Я помогу тебе все подготовить.

— А еще мэр хочет, чтобы я устраивала нечто вроде приемов, — добавила я, немного приободрившись. — Но я вообще не умею...

— Зато я умею, — заверила Реджина. — О, я блистала в обществе! Я знаю, как устроить шикарный бал и уютный ужин, как вызвать всеобщий восторг или спокойное умиротворение. — Она запнулась и задумчиво добавила: — А ведь я и правда блистала... Теперь вспоминаю... Бал, свечи, шикарный дубовый паркет, я танцую с мужчиной, и все смотрят только на нас...

Она поднялась и плавно закружилась по залу, положив руки на плечи воображаемого партнера.

— А ты помнишь, как умерла, и почему стала призраком? — спросила я, присев на диван.

Реджина остановилась и покачала головой.

– Что говорят в Виларе?

– Что тебя убил муж и замуровал в стене дома, – начала я.

– Точно нет, – заверила она, устроившись в кресле напротив. – Вернее, убить может и убил, но никаких костей в стенах дома нет.

– Что ты его убила...

– Мало ли жен убивают своих мужей, – хохотнула она. –

Тогда в каждом доме был бы призрак. Что еще?

– Что ты жаждешь мести за убитого возлюбленного...

– В общем, сплошные догадки, – вздохнула Реджина. – Разберемся. Итак, Элисьена, я поняла нашу задачу: тебе надо войти в местное общество и стать звездой, вокруг которой оно и будет вращаться. Устроить ужин с танцами – не так уж и сложно. Но тебе нужна изюминка, загадка, нечто неповторимое...

– Я совершенно обычная, – виновато сказала я. – Вообще-то даже не эльена.

– Ты бы не могла меня видеть, если бы в тебе не было искры, – ошарашила меня Реджина.

Храмовники сказали дяде, что искры во мне нет. Но, быть может, они ошиблись. Либо же он соврал...

– Если тут и есть кто-то с изюминкой, так это ты, – заметила я, и Реджина просияла.

– Точно! – воскликнула она. – Гениально! Я буду твоей изюминкой! Я вижу людей насквозь и даже дальше, я могу

предсказывать приближающуюся смерть и слышать голоса давно истлевших предков. Я вижу, что наши судьбы связаны, Элис.

– Как? – спросила я, но Реджина только пожала плечами.

– Мы встряхнем Вилару! – пообещала она. – Попасть на наш прием будет считаться за честь. За приглашения будут драться, вот увидишь!

Я так не думала, но ее энтузиазм был заразителен.

– Расскажи, что ты делала сегодня, – попросила она. – По порядку, с самого начала.

– Ну, меня разбудил стук в дверь, – начала я.

Такого внимательного слушателя у меня еще никогда не было. Реджина ахала, смеялась, переживала и требовала перечислить все, что мне подали на завтрак. А когда я рассказала про набережную, обрадовалась, словно встретила старого друга.

– Раньше я любила гулять возле моря, – призналась она. – Странно. Я и не думала об этом, а вот ты сказала – и вспомнила. Волны накатывают на песок, белая пена, ласковый шум... – Она тряхнула головой. – Значит, мэр предложил тебе переехать к нему, а потом еще и денег? Мой тебе совет, Элис, держи с ним ухо востро.

– Ладно, – согласилась я.

Со стороны, наверное, я выглядела странно: сижу, разговариваю сама с собой.

– Спасибо тебе, – проникновенно произнесла Реджина. –

Я не могу передать, как рада, что ты осталась.

– И тебе спасибо, – сказала я. – Знаешь, вдвоем и правда лучше.

Пусть она призрак, но мы нужны друг другу. А раз так, то кому какое дело, как это выглядит со стороны.

Лисичка сбежала от него, и Коста сам не понимал, отчего так злится. То ли проснулся пресловутый охотничий инстинкт, то ли она на самом деле так сильно его зацепила.

Он выяснил, что кучер не вернулся. Оказывается, Говард уволил его с концами. Можно бы попытаться узнать, не переоформлял ли стряпчий Доксвеллов какое-нибудь имущество в последние пару недель, а заодно – кто вообще эта Элис и откуда взялась.

– Эльен.

Диер выглядел мрачно и торжественно как на похоронах, и Коста вздохнул, уже понимая, что это значит.

– Порождение некроса в поместье Вушем, к северу от столицы, – произнес Диер и протянул ему черный конверт. – Есть жертвы.

– Почему раньше не позвали?

– Темные люди, – ответил Диер. – Сперва заигрывают с потусторонним, и только когда оно набирает силу, осознают, что натворили. Там нехорошее место, Коста, будь осторожен.

– У тебя все места нехорошие, – проворчал он.

– Увы, так и есть, – скорбно согласился слуга. – Светлых

мест не много, а людей и того меньше.

Может, поэтому у него не получается выбросить Элис из головы? Из-за солнечных искорок в ее глазах, медных бликов в ее волосах. Она вся словно светилась.

– Найди на карте этот Вушем и прикажи подготовить коня.

– Отправитесь прямо сейчас, эльен? – ужаснулся Диер.

– Ты же знаешь, я не боюсь темноты, – усмехнулся Коста. – Пусть она меня боится.

Глава 6

ПРОШЛО ЧЕТЫРЕ ГОДА

– Эльен, – Диер встретил Косту официальным обращением, и старый шрам, полученный четыре года назад, противно зачесался. Тогда монстр, подыхая, успел зацепить его хвостом. Перебитые ребра зажили, но иногда ныли на плохую погоду. А вот закономерности в зуде шрама Коста пока не вычислил.

– Неужели опять? – возмутился он. – Я только вернулся.

Прошрое порождение было совсем мелким и хилым, но пыталось торговаться. Это не было чем-то необычным. Некрос хитер и норовит обмануть. Однако тварь, похожая на гнилую жабу, предлагала Косте неожиданно много: год перемирия за то, что ему принадлежит, и о чем он не знает.

– Пришло указание выбрать направление ежегодного патрулирования, – сказал Диер, помахивая черным конвертом. – Я предлагаю совместить приятное с полезным и отправиться в Вилару.

Коста застонал и, упав в кресло, запрокинул голову. Жабу он уничтожил, и теперь терялся в догадках – что же такое у него есть?

– Только не Вилара, – отказался он. – Трястись недели две... Нет уж. Послушай, Диер. Вот тебе загадка. Что такое у меня есть, о чем я не знаю?

– Совесть? – предположил Диер. – Я все не теряю надежды ее найти. Вы совсем не слушаете меня, эльен.

– Некрос хотел заключить со мной сделку, – пояснил Коста. – А он не разменивается на мелочи. Год перемирия не знаю за что. Но это что-то крупное и очень ценное.

– Но это как раз то, о чем я хотел рассказать!

Коста приподнял голову и вопросительно посмотрел на слугу.

– В Виларе пару лет назад произошло землетрясение, – продолжил Диер. – Ларри, управляющий вашим поместьем, полагает, что породы сдвинулись, открыв новую жилу драгоценных камней. Либо же старая не истощилась, как считалось ранее.

– Пусть сам и копает, – буркнул Коста. – Я там зачем?

– Вилара не такое уж захолустье, каким была раньше, эльен, – не отставал Диер. – Теперь это бурно развивающийся портовый город с активной торговлей.

– Дыра, – бросил он.

– Ларри упомянул про культурный всплеск.

– Представляю, что там за всплеск, – усмехнулся Коста. – Небось, напиваются вдрызг и песни поют, в бухте. Диер, я не поеду. Какие там еще варианты для патруля? Выбери что-то поближе.

– Не в бухте, а в черном доме, – возразил Диер. – Коста, ты должен сам взглянуть на шахты и принять решение. Это и есть ответ на твою загадку: то, что тебе принадлежит, и о

чем ты пока не знаешь.

– Ты сказал, в черном доме? – насторожился Коста, а сердце ухнуло и застучало чаще. – Он ведь Доксвеллов, так?

– Да, там поселилась какая-то вдова, – подтвердил Диер. – Так вот, алмазы активно используются не только для украшений, но и для артефактов эльенов. И это совсем другая цена. Ты мог бы сам их заряжать. Если в Виларе и правда большой порт, то можно поставлять артефакты сразу в Ританию. Я узнавал, там они раз в пять дороже.

– Какая именно вдова? – требовательно спросил он, выходя из кресла.

– Какая разница, – отмахнулся Диер. – Ларри пишет, что пробы пород обнадеживают, но надо копнуть глубже.

– Что конкретно написал тебе управляющий про черный дом?

Диер вздохнул, порылся в ящике стола и достал письмо. Коста выхватил его и, бегом пробежав взглядом строки, увидел искомое:

«Культурная жизнь Вилары стоит отдельного упоминания. На последнем приеме вдовы Доксвелл, которая чаще использует имя эль Соль, было не менее пятидесяти человек. Богатые торговцы, успешные дельцы, художники и поэты избрали черный дом как любимое место для светского досуга, а очаровательная Элисыена эль Соль стала поистине звездой общества. Возможно, эльен согласится рассмотреть Вилару хотя бы как летнюю резиденцию. Чудный климат, новые ин-

тересные знакомства...»

Или старые знакомые, которые так скоропалительно исчезли из его жизни.

Вдова Доксвелл. Элисьена Эль Соль. Старый род, чьи деяния упоминаются в золотой книге.

У него даже лоб взмок от волнения.

Выходит, она эльена? Он лишил девственности эльену, а потом позволил ей просто исчезнуть!

– Диер, я такой дурак, – простонал он, и слуга, скептически на него глянув, отчего-то не стал опровергать это заявление.

Коста дочитал до конца, но больше ничего интересного не нашел: земельные пробы, тонкорунные козы и надежда на скорую встречу с Варденом эль Брао, то бишь, с ним.

После того, как его приложило порождением некроса четыре года назад, он долго восстанавливался. Следы Лисички, если и были, затерялись. Но воспоминания иногда терзали его похуже старых ран, и он мучился мерзким чувством, что упустил нечто очень важное.

– Мы едем в Вилару, – сказал Коста, возвращая письмо Диеру.

– Правильное решение, эльен, – одобрил слуга. – Если шахты вновь заработают, это будет большой удачей. Вы дочитали до места, где управляющий пишет о новых инструментах? Очень многообещающе, не правда ли?

Элис – Элисьена. А вдруг совпадение, и это не она? Но от-

куда у Доксвеллов еще одна очаровательная вдова? Насколько ему известно, Говард вполне себе жив, а его суровая жена способна убить все веселье одним только взглядом.

– Выезжаем завтра, – сказал он.

– Но, Коста, – опешил Диер. – Никуда шахты не денутся...

Шахты – нет, а Лисичка может.

– Завтра, – отрезал он.

ЕЩЕ ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ

Я открыла шкатулку с драгоценностями. Пару лет назад мамины серьги были единственным моим украшением, но теперь мне было из чего выбирать. Дела не сразу пошли на лад, и нам даже пришлось использовать золотой запас Реджины, но сейчас я могла по праву считать себя обеспеченной женщиной. Смешно вспомнить, как я боялась устраивать первый ужин, какие досадные ошибки допускала, но Вилара снисходительно относилась к моим промахам, а я быстро училась.

– Топ-топ-топ, – сказала Реджина, выплывая из стены.

Первое время я пугалась, когда она бесшумно появлялась рядом, и мы выработали правила.

– Хочешь выглядеть по-особенному сегодня? – заметила она, когда я вынула мамины серьги. – Руперт и так от тебя без ума. Думаю, скоро сделает предложение.

– Я не хочу замуж, – сказала я.

Это было правдой. Я уже знала, в какой кошмар может

превратиться жизнь женщины, когда она попадает во власть не того мужчины, и повторения не хотела. Хотя иногда, по ночам, думала, что все могло быть иначе...

Вынув из шкатулки блестящую запонку, которая лежала там уже года четыре, я покатила ее между пальцами. На вид довольно простая: белый металл, прозрачный камешек с краю. Поначалу я думала, что это дешевка, но запонка не потемнела и не заржавела, и камешек все так же блестел. Наверное, Коста ее у кого-то украл.

– Как дела у гостей? – спросила я, возвращая запонку в шкатулку.

– Капитан Курт снова заляпал всю ванную, – неодобрительно сказала Реджина.

– Ты подглядывала за ним? – усмехнулась я. – Вот проказница.

– Поверь, там есть на что посмотреть, – не смутилась она и многозначительно подвигала бровями. – А та старая дама совсем выжила из ума. Решила провести спиритический сеанс сама. Жжет на черной свечи кошачий ус и разговаривает со своим драгоценным Ларсом.

Сабрина Тутье тосковала по почившему коту, и ее горе было глубоким как океан. Я искренне ей сочувствовала.

– А в белом доме, что виден из кухни, поднялась суматоха, – сказала Реджина. – Приехал роскошный экипаж. Слуги бегают туда-сюда.

– Неужели эльен решил почтить Вилару своим присут-

ствием? – удивилась я. – Тот самый эль Брао?

– Ты его в гости не зови, – насупилась Реджина. – А то еще решит меня упокоить.

Если наши дела процветали, то в исследованиях прошлого Реджины мы не особо продвинулись. Нам удалось выяснить довольно много подробностей, например, раньше ей нравились оливки и козий сыр, но главного – почему она призрак – мы так и не узнали.

– Шикарно выглядишь, – сказала она, глядя в зеркало, где отражалась только я. – Совсем не похожа на ту запуганную девочку, которая пыталась облить меня чаем.

– А ты все такая же красotka, – ответила я.

Легкая тень промелькнула по лицу Реджины, однако она заставила себя улыбнуться.

– Этот вечер будет фееричным, я чувствую.

Все на самом деле шло замечательно, и ужин был великолепен. Кухарка, которую мы с Реджиной отобрали из десятка претенденток, умела удивлять и до сих пор не украли ни ложечки. Подавальщицы работали незаметно и бесшумно как призраки. Рассадка гостей тоже оказалась удачной – у всех нашлись темы для беседы.

– Вы превзошли все мои ожидания, Элисьена, – тихо похвалил меня Руперт, который как обычно занимал место по правую руку. – Вы мой самый удачный проект в Виларе.

– А как же жемчужный промысел? – улыбнулась я. – Говорят, вы пропадаете в бухте целыми днями.

– А вы скучаете по мне? – тут же спросил он. – Я буду заглядывать чаще.

Сегодня Руперт пришел с букетом белых пионов, которые в конце весны цвели по всей Виларе. Его ухаживания были приятны, но я бы предпочла, чтобы они так и оставались галантной любезностью. К сожалению, в последнее время Руперт позволял себе куда больше. Вот и сейчас он коснулся моей руки под столом и даже не стал делать вид, что это случайность.

– Игра, – объявила я, поднявшись, и гости радостно зааплодировали, вставая из-за стола.

– А я предупреждала, – прошептала мне на ухо Реджина. Она как обычно была рядом, появляясь то там, то тут, невидимая никем, кроме меня, моя незаменимая помощница и подруга.

– Руперт готовится сделать предложение, – продолжила она. – В глазах решительный блеск, карман брюк оттопыривается, там точно кольцо.

Я попросила старую даму завязать мне платок, и вскоре мои глаза закрыл черный шелк. Игру придумала Реджина. Я выходила в круг, потом случайным образом выбирала кого-то из гостей, называла имя, подсказанное подругой, и говорила что-нибудь еще, очень личное. Что-то такое, что мог знать только близкий человек. Или призрак. Все были в восторге.

В дверь постучали, и Руперт сказал:

– Я открою.

Странно, никто не опаздывает на приемы Элисьены эль Соль. Ведь можно пропустить столько интересного.

Музыканты играли легкую мелодию, я слегка покружилась на месте. Даже интересно, кто мне сегодня попадется. Хоть бы не капитан. А то в прошлый раз Реджина сказала такое... Я пыталась завуалировать как могла, однако все равно вышло неловко. Зато капитан на следующее же утро помчался к целителям.

Руперт восторженно поздоровался с новым гостем. Наверное, пришел кто-то из гильдии торговцев, с ними мэр особенно любезен.

Что ж, пора выбрать счастливчика. Подняв руки, я шагнула вперед, и мои ладони неожиданно легли на твердую грудь. Опять капитан? Но почему Реджина молчит? Обычно она болтает – не заткнешь. Гости тоже отчего-то притихли и только перешептывались. Еще и платок завязан как следует – не подсмотреть. Я провела руками выше и погладила широкие плечи. Странное волнение взметнулось по телу, и сердце, екнув, забилось чаще. Я покусала губы – знак Реджине, что нужен совет, но она словно испарилась. Не выдержав, я сдернула платок.

– Ничего удивительного, что духи молчат, – пришел мне на выручку Руперт. – Эльен разогнал их одним своим присутствием. Элис, дорогая, позволь представить тебе Вардена эль Брао.

Глава 7

Сердце подскочило куда-то к горлу, в голове зашумело, а я все не могла отвести взгляд от светлых глаз, которые так же неотрывно смотрели на меня. Не может быть. Просто не может! Мой вор? Темные волосы расчесаны и уложены назад. Резкий росчерк бровей, густые ресницы, ровный нос. Нижнюю часть лица скрывает густая щетина, как будто мужчина неделю, а то и две не брился.

– Очарован, – сказал он и, склонившись к моей руке, коснулся ее губами.

Мурашки табуном рванули по коже, и я выдернула ладонь.

– Рада знакомству, Варден эль Брао, – пробормотала я, пытаюсь вернуть самообладание.

А может, мне просто мерещится? Сегодня я держала в руках запонку Косты, а потом вдруг встретила мужчину со схожими чертами. Нахлынули воспоминания, воображение дорисовало остальное. Не стал бы эльен забираться в чужое окно, чтобы что-то украсть. Или стал?

– Вилара превращается в значимый город нашей страны, – торжественно произнес Руперт, – раз сюда пожаловали такие люди. Эльен, вы надолго к нам?

– Как минимум на все лето, – ответил Варден эль Брао, все так же не сводя с меня глаз. – Ежегодный патруль.

– О, у нас все прекрасно, – заверил его мэр. – В ваших талантах мы не нуждаемся. Никаких порождений некроса и злобных сил. Увидите сами, Вилара – чудное тихое местечко, где эльену очень скоро станет скучно.

– Пока что я нахожу Вилару весьма занимательной, – улыбнулся эль Брао, но его губы прикрывала щетина. Есть ли на верхней слева маленький шрам?

– Что ж, раз игра не задалась, давайте танцевать, – предложил Руперт, слегка раздражаясь.

Я и сама понимала, что мы смотримся странно: застыли друг напротив друга как две статуи. Но если это не Коста, то с чего ему так меня разглядывать?

Мэр махнул музыкантам и шагнул ко мне с явными намерениями пригласить на танец, но Варден эль Брао поймал меня за талию, притянул ближе и закинул мои руки себе на плечи таким знакомым движением, что у меня дыхание перехватило. Руперт растерянно остановился, а эльен забрал у меня черный платок и всучил мэру.

– Позвольте, я украду ее у вас, – сказал он и повел меня в танце, не оставляя никакой возможности возразить.

Я боялась, что от волнения запутаюсь в собственных ногах, но мужчина двигался легко и непринужденно. Как Коста. Гости разбились по парам, кто-то вернулся к столу, чтобы отдать должное десерту. Руперт остался у стены, слушая госпожу Тутье и комкая в руках черный шелк, и мне казалось, что с куда большим вниманием он следит за нами, чем

за болтовней старушки. Реджина появилась в камине, сделала большие глаза и тут же исчезла.

– Вам нравится Вилара? – спросил Варден.

– Да, – коротко ответила я.

Его голос вроде был ниже, чем у Косты, но тут я не могла сказать точно. Не так уж долго мы с ним разговаривали. По большей части шептали, или стонали – потом.

– Правда общаетесь с духами? – эльен пытливо посмотрел на меня, и серебристая радужка его глаз слегка засияла.

Я неопределенно пожала плечами. Свои профессиональные секреты я выдавать не собиралась. Надо еще выяснить, не представляет ли он опасности для Реджины. Не просто же так она от него прячется.

– Не боитесь сдавать комнаты незнакомцам?

Вот дотошный какой.

– Не боюсь, – ответила я.

Как-то раз среди ночи постоялец попытался свернуть в левое, хозяйское крыло, но Реджина быстро спустила его с лестницы. Вспомнив о роли радушной хозяйки, я спросила:

– Значит, вы в Виларе до конца лета?

Он это или нет – пока непонятно, но я тоже изменилась. Только сегодня Реджина сказала, что я стала совсем другой. И пусть у меня нет бороды, вряд ли Коста вообще бы меня вспомнил. Всего одна ночь, в полумраке, и так давно...

– Я едва приехал, а вы с мэром уже норовите выставить меня вон, – пожурил он. – Я не думаю об отъезде, эльена. У

меня в Виларе, помимо патруля, есть очень важное дело.

– Вилара переживает экономический подъем, – сказала я, просто чтобы поддержать беседу, а сама слегка сместила ладони по его плечам.

Наверное, все же не Коста. У моего вора плечи тоже были широкими, но не настолько.

– Несколько лет назад я заключил одну сделку, – сообщил Варден. – Весьма и весьма выгодную.

– Вот как, – выдавила я и внимательно взгляделась в его лицо, однако не заметила насмешки.

Просто сделка. Он говорит о делах. А намек мне чудится.

– Вскоре я намереваюсь добиться договора на похожих условиях, – продолжил он.

– Удачи, – пожелала я.

Странно все же, что эльен примчался ко мне сразу по приезде. Его волосы были влажными, как будто он только что помылся.

– Жалею лишь о том, что не приехал в Вилару раньше, – вздохнул Варден. – Такие открываются перспективы – просто дух захватывает.

– Собираетесь вложиться в жемчужный промысел? – предположила я.

– Не совсем, – ответил он. – Хотя в этом есть нечто невыразимо волнующее – когда в мутных водах вдруг находишь редкостную жемчужину... Расскажите о себе, Элисьена. Как вам здесь живется? Вам, наверное, было непросто первое

время?

Не то слово. Деньги таяли на глазах, постоянно возникали новые проблемы и непредвиденные расходы.

– Что вы, – с наигранной легкостью возразила я. – Я обожаю Вилару и этот дом.

– Я помню его совсем другим, – признался эльен, оглядываясь по сторонам. – Я забирался сюда еще мальчишкой, хотел встретить алую даму.

– Встретили? – спросила я.

– Нет, – его взгляд опустился на мои губы, погладил шею и декольте. – Зато встретил даму в голубом. Вы так обворожительны, что похожи на волшебное видение.

Я улыбнулась, немного успокоившись. Наверное, все же не Коста. Просто похожий на него мужчина, который пытается быть галантным.

– Красивые серьги, – добавил он.

А я, вздрогнув, будто наяву увидела, как протягиваю их мужчине, прокрававшемуся в окно.

Горячие ладони погладили мою спину, уверенно прижали к крепкому телу, и чувство узнавания было таким ясным и сильным, что я едва сдержалась, чтобы не запустить пальцы в его темные волосы и не притянуть к себе...

Когда танец кончился, я бросилась прочь из зала, наплевав на приличия. Взлетев по лестнице, свернула в левое крыло, и мне навстречу тут же взметнулась Реджина.

– Я не могу находиться с ним рядом, – пожаловалась она. –

От него так сияет, что меня сносит напрочь.

– Это он! – истеричным шепотом сказала я. – Он!

– Твой вор? – сразу поняла Реджина. – Не может быть!

– Либо же я схожу с ума, – пожаловалась я, едва не плача. – Я не видела его года четыре, было темно, может, и не Коста... Но он делает намеки!

– Какие? – заинтересовалась Реджина.

– Сказал, у меня красивые серьги...

Подруга выразительно на меня посмотрела.

– Именно их я предлагала в довесок к кулону! – торопливо пояснила я. – А еще он сказал, что когда-то заключил выгодную сделку. А перед этим, Руперту – позвольте я ее украду. Украду! Понимаешь?

– Ты и правда сходишь с ума, – покачала головой Реджина. – Может, нам стоит поменьше общаться? Вдруг я дурно на тебя влияю, как призрак.

– А когда он обнял меня крепче, то это было точно как тогда, – тихо призналась я. – У меня прямо жар по телу...

– У тебя не было мужчины, с тех пор как я тебя знаю, – хмыкнула она. – А этот эльен, насколько я успела рассмотреть из камина, хорош. Но даже если это, допустим, твой вор, то что? Думаешь, он явился, чтобы шантажировать тебя?

Мне такое и в голову не пришло, но сейчас я задумалась.

– У меня вообще-то тоже есть чем его припугнуть. А если... – я запнулась, но все же закончила мысль, которая была такой упоительно сладкой: – А если он специально решил

найти меня...

– Он мог бы сделать это и раньше, – безжалостно заметила она. – Если твой вор – эльен, то у него для этого куда больше возможностей.

– Но Говард обещал, что скроет мое местоположение, и, как видишь, мой дядя тоже меня не нашел.

– А жаль, – протянула она, и ее карие глаза потемнели до абсолютной черноты. – Я бы с твоим дядей поговорила... По душам.

По подолу алого платья побежала обугленная дорожка, расплзаясь по ткани черными ручейками, и я испуганно попросила:

– Не думай о таком больше!

– Ладно, – Реджина тряхнула головой, и все стало как прежде. – Ты тоже возьми себя в руки, иди в зал и закончи ужин. Будь любезна и холодна.

– Холодна, – повторила я.

– Как чистый горный ручей, – сказала Реджина.

– Ага, – согласилась я.

– Не паникуй, спускайся вниз и держи лицо, что бы ни случилось. Если он решит разболтать твой секрет, смейся и говори, что он сошел с ума. Он, а не ты.

– Ладно, – кивнула я. – Ну, я пошла.

За время моего отсутствия эльен успел оказаться в центре внимания. Окруженный гостями, он рассказывал о порождении некрота, уничтоженном им не так давно.

– И вот эта мерзкая жаба, почуяв, что пришел ее конец, начала торговаться, – говорил Варден эль Брао, одновременно галантно подвигая стул госпоже Тутье.

– Что вы говорите! – ахнула старушка, присаживаясь.

– Много предлагала? – заинтересовался капитан Курт.

– Много, – кивнул эльен, и темные волосы упали ему на лоб.

Так похож... Правда, у Косты была ссадина на скуле, а сейчас ее нет, но вряд ли это можно считать принципиальным отличием.

– Год перемирия. Никаких порождений некроса, жертв и сделок, – продолжил он.

– Но как эта жаба могла говорить за весь некрос? – недоверчиво фыркнул Руперт. – У него же явно куча договоров по всему миру. Сколько было случаев проданных душ, жертвоприношений и прочего. Я не хочу сказать, что вы плохо делаете свою работу, эльен, – однако по тону было понятно, что именно это он и хочет сказать, – но факт остается фактом...

– Некрос един, в этом его сила и слабость, – ответил Варден. – Так что да, если бы я заключил сделку, то она перекрыла бы все остальные.

– Варден, голубчик! – всплеснула руками старушка Тутье. – Ты мог спасти десятки, сотни почти загубленных душ! За год они могли передумать, свернуть на путь добра... Что же жаба хотела взамен?

– Это загадка даже для меня, – виновато улыбнулся эльен, а мне захотелось немедленно его побрить, чтобы рассмотреть, есть ли шрам в уголке губ и ямочка на подбородке. – Взамен некрос хотел нечто мое, о чем я не знаю.

Сердце ушло в пятки, ноги подкосились, и я опустилась на стул, который, к счастью, оказался рядом.

– Мой слуга предположил, что это могут быть шахты в Виларе. Есть шанс, что жила драгоценных камней не истощилась.

– Вы думаете? – оживился Руперт. – Это было бы прекрасно для города. Столько рабочих мест, уникальный товар для торговли...

– Нет, – перебил его Варден. – Вернее, шахты, может, и заработают, как знать. Но я не думаю, что некросу нужны были камни.

– Что значит алмаз по сравнению с бессмертной душой? – патетично произнесла Мадлен Рокшор, блондинка с тонким личиком, которую Реджина отчего-то недолюбливала. – Год перемирия. О, это так мало и одновременно много!

– Что вы ответили? – спросила я, и эльен, обернувшись, тут же оставил гостей и подошел ко мне. Присев рядом, обеспокоенно всмотрелся в мое лицо.

– Вы побледнели, – заметил он, накрыв мою руку своею. – Все в порядке, Элис? Я не хотел вас пугать. На самом деле та жаба была слабой и неповоротливой. Я разделался с ней в два счета.

– Что вы ответили некросу? – повторила я свой вопрос.

– Я, разумеется, сказал нет, – ответил Варден, и я снова смогла дышать и отвернулась, чтобы скрыть слезы облегчения, выступившие на моих глазах. Горный ручей. Спокойствие и прохлада.

– Отчего же вы отказали? – разочарованно воскликнула Мадлен. – О, эльен...

– Оттого, что нельзя заключать сделки со злом, – пояснил Варден, повернувшись к ней, и я быстро промокнула глаза салфеткой. – Никогда. Зло коварно и не торгует себе в убыток.

– Так-то алмазную шахту я бы тоже не отдал, – согласился капитан, почесав подбородок. – А те потерянные души сами виноваты, я считаю.

– Бывают безвыходные ситуации, – упрямо заявил Руперт, как будто ему просто нравилось с ним спорить.

Теплые пальцы осторожно погладили мою кисть, и я, опомнившись, убрала руку.

– Я восхищен сегодняшним вечером, – сказал эльен. – Уютная обстановка, изысканные блюда, остроумные собеседники...

Это он о старушке Тутье с ее покойным котом?

– Я бы хотел устроить бал в честь моего приезда в Вилару, – продолжил он. – Однако без женской руки, боюсь, мне не обойтись, – он снова завладел моей ладонью. – Вы не можете мне, Элисьена?

Все взгляды устремились на меня.

– Разумеется, – ответила я.

– А что еще я могла сказать? – воскликнула я, когда Реджина укоризненно покачала головой. – Он был так любим. Когда я вернулась в зал, его там уже все обожали. Кроме Руперта, разве что. Думаю, он ревнует. Эльен, спасающий наш мир от тьмы. Щит света против некроса. И я такая – нет, Варден эль Брао, мне лень. Готовьте ваш бал сами.

– Я не смогу быть рядом, – напомнила Реджина.

– Знаю, – нахмурилась я. – Но, думаю, справлюсь. Буду рассказывать все детали. К тому же я должна выяснить, зачем он приехал.

Я не смогу снова бежать и прятаться, как сделала четыре года назад. Реджина привязана к дому, и значит, я тоже.

– У нас все в порядке? – спросила я, но, когда она кивнула, все же направилась в комнату, смежную с моей, и тихонько открыла дверь.

Гувернантка вскинулась, но я успокоила ее жестом и подошла к кровати. Мой сыночек, мое солнышко, мой маленький Ники сладко спал, раскинув ручки. Непослушные темные локоны на белой подушке, на пухлых щечках – тень от длинных ресниц, на подбородке – ямочка. Бесконечная любовь затопила мое сердце. То, о чем Коста не знает. То, за что я отдала бы и свою бессмертную душу, и вообще все.

Четыре года назад, осознав, что беременна, я была в па-

нике, но теперь не представляла жизни без своего малыша.
– Скажешь ему? – спросила Реджина, и я покачала головой. – Он все равно узнает, что у тебя ребенок. Кто-нибудь ляпнет в разговоре. Или Ники выбежит с криками «мама».

Долго я скрывать не смогу. Но сперва должна узнать, что надо Косте. Если это все же он.

Сперва он решил, что ошибся. Как могла его дикая Лисичка превратиться в такую роскошную женщину? Но это была она! Ее волосы с медным отливом, чистая кожа, нежные губы с приподнятыми вверх уголками и скуластое личико. Это была Элис, и как же она была хороша! Он оставил мэра, недослушав его излияния, и пошел через зал прямо к ней, ведомый неудержимой силой.

А когда Лисичка сняла с глаз черный платок и посмотрела со смесью удивления и испуга, это было словно удар под дых. Похожий взгляд Коста уже видел однажды, и от жаркого воспоминания стало трудно дышать: удивленно распахнутые голубые глаза с золотистыми искорками вокруг зрачков, а потом тихий жалобный вздох и тонкое девичье тело выгибается в его объятиях, а он жадно целует ее и ловит губами крики удовольствия.

Коста прижался лбом к мраморному бедру равнодушной статуи, пытаясь хоть немного остыть. Здесь, в саду, было темно и тихо. Он вышел с остальными гостями, отделался от навязчивого предложения мэра доставить его домой, отбре-

хавшись желанием прогуляться, но, пройдя на достаточное расстояние, сделал круг и вернулся назад к черному дому. И теперь стоял как влюбленный мальчишка и ждал, когда в окне спальни мелькнет силуэт его девушки.

В одном крыле дома горели все окна. Он видел там широкий торс капитана, букли кошачьей дамы, мелькнул острый нос блондинки, которая бросала на него томные взгляды весь вечер. В другом крыле мелькнула тень в окне, где едва горел приглушенный свет. А потом в дальней комнате зажглись огни, и он сглотнул и подался вперед, узнав Элис. Она пересекла комнату и исчезла.

Говард Доксвелл всучил ей черный дом с дурной репутацией. Никакой тьмы там не было, он бы почуял. Однако Элис якобы предсказывала будущее и прошлое, и общалась с духами. Надо выяснить, что за этим стоит. Скорее всего, она умеет угадывать скрытые желания людей и говорит то, что они хотят слышать. Это не так уж сложно. Люди жаждут любви, власти и мести – в основном. В столице над ней, пожалуй, стали бы насмехаться, но здесь, в провинции, совсем нет развлечений. Да и кто он такой, чтобы судить. Пусть делает, что хочет, пока это не имеет последствий на темной стороне.

Как она распереживалась, бедняжка, когда он рассказывал про порождение некроса. Так и хотелось обнять ее и утешить. И сделать еще много чего...

Но эльене не предложишь стать содержанкой. Ставки куда серьезнее.

Коста хмыкнул и почесал надоевшую щетину. Собирались впопыхах, слуги забыли положить бритвенные принадлежности, а по приезду он не стал ждать, пока Диер раздобудет новые – так не терпелось узнать, она это или нет. Элис тоже как будто сомневалась. Он видел по ее изучающему взгляду, заметил, как она измеряла его плечи ладонями. Он был бы не против, если бы она рассмотрела его всего. Сопоставила полностью. У нее, кажется, грудь стала больше. А может, это все женские ухищрения.

Элис снова прошла по комнате и скрылась за шторой. Появилась в окне, тряхнув распущенными волосами, которые отросли почти по пояс.

А что, если забраться к ней прямо сейчас?

Коста выдохнул, сердце забилося чаще, а глаза сами нашли оптимальный способ. Вон там выступ, карниз, за плетистые розы, что увивают стену, лучше не браться, и взбираться с той стороны, где их вовсе нет. Вдруг Лисичка его не прогонит? Быть может, она вовсе – ждет его? Поэтому не тушит свечи?

Как будто в ответ на этот вопрос окно погасло.

Коста еще постоял за мраморной статуей, а потом пошел домой, полный самых приятных предвкушений.

Спрятавшись за шторой, я наблюдала за садом.

– Я же говорила, – сказала Реджина, когда темный мужской силуэт отделился от статуи и пошел прочь. – Может, он

маньяк? – предположила подруга. – А что? Ходит по ночам, заглядывает в окна...

Наверное, я тоже маньяк, потому что иногда, лежа в постели, я представляла, как Коста забирается в мое окно, чтобы повторить то, что у нас так хорошо получилось однажды...

– Я не смогу защитить вас от него, – помрачнела подруга.

– Быть может, и не придется? – предположила я, глядя вслед мужчине, который выходил из моего сада. – Он ведь эльен, щит от тьмы. Это он должен всех защищать.

– Угу, – промычала Реджина, а потом вскинула на меня взгляд, который одновременно и завораживал, и пугал: темные глаза мерцали как озеро, отражающее звездную ночь. – Что-то надвигается, Элис, – сказала она, – но я не могу понять – что.

Глава 8

Утром я проснулась от топота маленьких ножек и, не открывая глаз, откинула одеяло, впуская к себе Ники. Он обнял меня, прижавшись к груди, такой сладкий и теплый.

– Мама, – позвал Ники и потянул мое веко вверх.

– Ммм? – спросила я.

– Ты бы хотела уметь превращаться в бронированный шар?

– В принципе, да, – пробормотала я, моргая.

А он уже тыкал пальчиком в книжку, которую подарил ему капитан.

– Броненосец умеет так делать, – сказал Ники, мило картавя. – Очень редкий зверь. Живет далеко-далеко, в жаркой стране.

– Какой молодец, – похвалила я броненосца, окончательно просыпаясь и открывая глаза. А потом схватила Ники и сгребла его в объятия. – Кто тут такой сладкий мальчик, – целовала я его в щечки, – кто мой пирожочек.

– Я, – отвечал Ники, смеясь, – это все я. Мама,пусти! Я хотел показать тебе варана, мама. У него вот такой язык!

В хорошую погоду, которая на Виларе была почти круглый год, мы завтракали на террасе позади дома. Там накрывали и для гостей, но капитан, ранняя птичка, уже улетел по делам, Мадлен Рокшор еще не вставала, а старушка Ту-

ть гуляла по тропинкам между пионами, любуясь статуями. Сад я тоже привела в порядок, и теперь он выглядел вполне достойно, а главное – Ники было где играть. Он съел свою кашу с ягодами, запил молоком и побежал к Сабрине, которая с радостью взяла его за ручку и повела к фонтану, где жили золотые рыбки.

– Как прошла ночь? – спросила я.

– В целом неплохо, – ответила Реджина.

В светлое время суток я не могла ее видеть, но по-прежнему слышала, особенно в затененных местах дома.

– Что-то произошло?

– Китти, новая подавальщица, уволилась, – сообщила Реджина без особой печали в голосе.

– Прямо посреди ночи? – не поверила я.

– Она пыталась украсть серебряную ложку, – наябедничала подруга.

– А ты?

– А я эту ложку забрала. И по лбу ей настучала.

Что ж, вряд ли мы снова увидим Китти.

Слухи, конечно, ходили. Сперва я боялась, что вовсе останусь без слуг. Но матушка кучера, которая прежде приглядывала за домом, мигом разнесла по Виларе новость, что вдова Доксвелл не шипит и не бьется в припадке, когда на нее брызгают водой из источника светлой Мауриции. Однако все знали – плохо работать или вовсе красть в черном доме не выйдет. Потому постепенно мы с Реджиной подобрали

персонал, который нас полностью устраивал. Меня же слуги считали чудачкой, которая постоянно болтает сама с собой. Но платила я регулярно и хорошо, так что с моей придурью готовы были мириться.

Теперь мой дом стал оживленным местом: слуги, гости, доставщики продуктов – никто больше не шарахался от призрака алой дамы, решив, что я сумела с ней поладить, и так оно и было на самом деле. Поэтому когда ворота скрипнули, я не обратила внимания, и лишь когда кто-то сел рядом, подняла глаза.

Это был Коста. Теперь вне всяких сомнений. И шрам, и ямочка на месте. А еще светлые глаза, темные волосы, плечи и сильные руки, и губы, которые так нежно меня целовали, и все остальное...

– Привет, Лисичка, – сказал он.

– Привет, – ответила я.

Мы с Реджиной полночи думали над стратегией поведения, и подруга предлагала делать вид, что я вообще его не знаю, но это было бы просто глупо.

– Почему ты не сказала, что эльена? – спросил он.

– Не думала, что это важно, – ответила я. – Ты про себя тоже особо не рассказывал.

– Я думал о тебе, – признался он, и мое сердце сладко екнуло. – Пытался найти, но Говард Доксвелл тщательно стер все следы.

В саду рассмеялся Ники, и Коста посмотрел в сторону

фонтана.

– У тебя много постояльцев, – заметил он. – Ты преоб-
разила черный дом. Теперь тут не боятся селиться даже с
детьми.

– Ага, – только и смогла выдавить я.

Гувернантка вышла из дома, и я жестом указала ей в глубь
сада.

– Варден эль Брао, зачем вы пришли? – спросила я у Ко-
сты, отчего-то боясь произносить другое его имя.

– Хотел позавтракать в теплой компании, – ответил он,
наливая себе чай.

– Я не про утро, а в целом.

– Меня отправили сюда в патруль, – ответил он, сделав
глоток. – Контроль некроса. Обычное дело.

– Значит, это случайность? – уточнила я. – Ты мог бы пат-
рулировать и другой город?

– Нет. Я узнал, что ты здесь, – признался Коста. – Поэтому
и приехал. Я бы сказал, что хочу познакомиться с тобой по-
ближе, но в каком-то смысле мы и так знакомы ближе некуда.

И посмотрел на меня так, словно мы не на террасе в саду,
а там, у камина, на медвежьей шкуре: окинул неспешным
взглядом мое лицо, шею, грудь...

Второй вариант стратегии – признать, что это я, однако
попытаться оставить прошлое там, где оно и должно быть – в
прошлом. Потому я состроила надменное и слегка уставшее
выражение лица – ни дать, ни взять Мадлен Рокшор, изуча-

ющая поданный ужин, – и сказала:

– Варден эль Брао, – я упорно не называла его прежним именем. – Вы ставите меня в неудобное положение.

– Я бы с радостью поставил вас в положение, в котором вам будет удобно, эльена, – с готовностью ответил он.

И я вспыхнула от смущения, невольно вспомнив нашу единственную ночь и мою спину, ноющую от дядиных побоев. Тогда Коста попросту перевернул меня на живот. Он ведь сейчас тоже думает об этом? Или нет?

По его потемневшему взгляду я поняла, что не ошиблась.

– Какая тут ящерица! Почти что варан! – восхищенно воскликнул Ники, и я вскочила из-за стола.

– Давайте продолжим нашу беседу в другом месте, – предложила я.

– Вообще-то я хотел пригласить вас в гости, эльена, – сказал Коста, поднимаясь следом за мной. – Вчера вы с готовностью согласились помочь мне с организацией бала.

– Да, пойдемте, – я быстрым шагом направилась прочь из сада, пока Ники не прибежал к нам вместе с вараном. Знакомить их всех с Костой я была не готова.

– Все же прекрасно, когда отношения строятся на взаимовыручке, – заметил он, без труда меня догнав. – Что вы хотите взамен, Элисьена?

Он открыл мне дверь роскошного экипажа, стоящего у ворот, и я забралась внутрь.

– Вы о чем? – уточнила я. – Мы соседи. Разумеется, я

помогу вам организовать бал совершенно бескорыстно.

– Я бы все же хотел вас отблагодарить, – он сел напротив и устремил на меня пристальный взгляд. – Мне понравился ваш деловой подход в нашу прошлую встречу.

– Ты собираешься шантажировать меня? – спросила я прямо.

– Конечно, нет! – возмутился Коста.

– К чему тогда эти намеки и шуточки? Да, когда-то мы заключили сделку, но претензий, насколько я помню, не было ни у одной из сторон.

– Никаких, – подтвердил он.

– Вот и забудьте о том, что произошло, Варден эль Брао, – потребовала я, расправляя складки на юбке. – Так, как сделала я.

Экипаж тронулся и поехал в сторону большого белого дома, стоящего у подножия гор. Коста слегка прищурил светлые глаза, откинулся на спинку сиденья и улыбнулся.

– Врешь, Лисичка, – заявил он. – Ты все помнишь.

Белый замок стоял на возвышенности, и отсюда вся Вилара была как на ладони. Главная улица изгибалась линией жизни, переулки разбегались во все стороны, и если бы я и правда умела гадать, то предсказала бы Виларе процветание и удачу. Мне нравился этот город, нравилось думать, что он похож на меня. Был тяжелый период, когда казалось, что впереди уже нет ничего хорошего, а потом случилось нечто

такое, что изменило все на корню. В Виларе произошло землетрясение, а в моей жизни – Коста.

Мы доехали за считанные минуты, и он подал мне руку, помогая выйти из экипажа.

Высокий тощий слуга, одетый в торжественный фрак, встретил нас у входа и поклонился, и я почувствовала себя неловко в простеньком цветастом платье, которое надела к завтраку. Белый дом эль Брао оказался еще белее внутри: повсюду мрамор, статуи, много света.

– Что именно вы хотите, эльен? – спросила я. – Быть может, устроить тематический вечер? Допустим, черное-белое. Будет символизировать вашу борьбу с некросом. Свет и тьма, день и ночь.

– Вообще-то мне без разницы, – откровенно ответил Коста. – Это лишь повод провести с тобой время. Скажи, Лисичка, ты и правда общаешься с духами?

Я бросила на него быстрый взгляд и кокетливо улыбнулась. Не знаешь, что отвечать, – молчи и улыбайся. Так учила меня Реджина, и ее наука пошла в прок.

– Знаю, это глупо, – согласился Коста. – Но все в округе уверены, что ты приручила алую даму.

Скорее, мы приручили друг друга, и я понимала, что без Реджины ни за что не справилась бы ни с домом, ни с внезапной беременностью, о которой, кстати, она узнала первой. Как-то вечером мы играли в карты, она тасовала старую колоду и между прочим спросила: «Элис, ты вообще в курсе,

что ждешь ребенка?».

Я была в панике, но Реджина знала все о беременности и детях, а потом, когда родился Ники, готова была качать его колыбельку хоть все ночи напролет и любила его не меньше чем я.

– В какую сумму вы хотите уложиться? – спросила я, когда мы вошли в огромный зал, где легко уместился бы весь мой дом.

– Бюджет не ограничен, – ответил Коста. – Я неприлично богат.

– Рада за вас, эльен, – ответила я. – Можно вопрос?

– Конечно, Лисичка.

– Зачем вы украли тот кулон?

Коста помолчал, будто взвешивая слова в уме.

– Он принадлежал моему прапрапрадеду, – коротко ответил он. – Это реликвия нашего рода.

– Как же он оказался у Доксвеллов?

– Обманом, – пожал плечами Коста. – Я пытался выкупить его, но Гевин отказывал раз за разом. К тому же по сути я его не украл, а честно заработал, – он многозначительно улыбнулся, и я, фыркнув, подобрала юбку и пошла в глубь дома.

К бальному залу примыкали комнаты поменьше. Первая была мужской территорией: с баром, карточным столом и густым запахом табачного дыма. Еще одна смежная комната выглядела как безумная дамская мечта: все бело-розовое, точно зефирный взрыв, а на обоях цветочки.

– Быть может, устроить маскарад? – предложила я.

– Можно, – согласился Коста. – Я снова отращу бороду, и ты будешь сомневаться, я это или нет.

– Прошло четыре года. Чего вы, собственно, ждали, Варден эль Брао, – пожалала я плечами с нарочитым равнодушием.

– Значит, ты обо мне и не вспоминала? – слегка раздраженно спросил он, как будто ему было очень важно услышать иной ответ.

Я снова отделалась улыбкой. Сложно забыть о мужчине, когда по дому бегает его маленькая копия.

– А тут синий салон, – сказал Коста, открывая передо мной следующую дверь. – Его обычно используют как чайную комнату.

Комната оказалась маленькой и действительно очень синей, и я застыла в дверях, глядя на картину, висящую напротив.

– Можно сделать подобие магического шатра, – предложил Коста, стоя за моей спиной. – Я прикажу завесить окна плотными шторами, обклеить все звездами, поставим хрустальный шар, и ты нагадаешь мне встречу с роковой женщиной, которая изменит всю мою жизнь... Чем от тебя так вкусно пахнет, Лисичка?

– Кто это? – спросила я, не в силах отвести взгляд от картины.

– Понятия не имею, – сказал Коста. – Она висит тут, сколько я себя помню.

Это была Реджина. Нарисованная со спины, так что лица не видно – лишь контур скулы и длинные загнутые ресницы, но это точно была она. Алое платье спущено с плеч, темные волосы струятся по голой спине. Кто бы ни рисовал Реджину, у них был роман.

Но почему портрет Реджины висит в доме эль Брао? Как она связана с ними? Может, поэтому она не находит покой? Потому что однажды перешла дорогу эльену с магией жизни?

– Ты будто привидение увидела, – прозорливо угадал Коста, заглянув мне в лицо. – Нравится? Хочешь, подарю?

Не дожидаясь ответа, Коста подошел к стене и, приподняв нижний край картины, глянул за раму.

– Ого, да ей без малого двести лет, – удивился он.

– Наверное, она очень дорогая, – спохватилась я. – Давай-те я заплачу.

– Это подарок, Элис, – сказал Коста, закатывая рукава.

– Варден эль Брао, я настаиваю, – упрямо сказала я, пылясь на его спину.

Рубашка обтянула широкие плечи, под тонкой тканью отчетливо выделились тугие мышцы, и я невольно вспомнила, как он выглядел, когда разделся передо мной.

– Ну, раз ты настаиваешь, Лисичка, тогда конечно.

Сняв картину, Коста поставил ее на пол и прислонил к стене, на которой остался темный прямоугольник невыго-

ревшей краски. Отойдя на пару шагов, полюбовался портретом. А тот и в самом деле был хорош: плавные линии тела, сочные теплые оттенки, и во всей позе Реджины была томная сытая расслабленность, как будто... Как будто она не снимала платье, а надевала его, после.

– Картина и правда старая, – заметил Коста, – к тому же память детства, а такое, сама понимаешь, за деньги не купишь... Поцелуй.

– Что? – глупо переспросила я.

Коста подошел ко мне, и синяя комната словно стала еще меньше, и у меня перехватило дыхание, когда мужские ладони осторожно опустились на мою талию. Мы были совсем одни, и даже Реджина на портрете как будто специально отвернулась, чтобы не подглядывать.

– Ты хочешь заплатить за картину, я предлагаю цену, – пояснил Коста и тихо добавил: – Элис, ты снилась мне...

Его руки настойчиво потянули меня ближе, но я вывернулась и отступила.

Коста оперся на стол и смотрел на меня, и я невольно подумала, что мой сын, когда вырастет, станет очень красивым мужчиной.

– Это... неприлично, – сказала я, не зная, куда деваться от его пронзительного взгляда.

– Да что ты говоришь, – с сарказмом ответил Коста. – Всего один поцелуй. Соглашайся.

– Это оскорбительное предложение по своей сути, эльен.

Я не шлюха.

– Ты мне, помнится, предлагала переспать за сережки, – сказал он, и его глаза заблестели как серебро. – Они тебе, кстати, очень идут.

– Спасибо, – рефлекторно ответила я, прикоснувшись к мочке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.